

ЛитРес:

Екатерина Романова

Обраслечена поневоле,
или Чешуйчатая
подстава

Екатерина Романова Обраслечена поневоле, или Чешуйчатая подстава

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65788450
Обраслечена поневоле, или Чешуйчатая подстав / Екатерина
Романова: Авторские; 2021*

Аннотация

Когда дело касается драконов: улыбаемся, машем и сливаемся с местностью! Главное – без резких движений, звери они нервные. Но что делать, если на тебе, ну совершенно случайно, оказалась драконья святыня? И эта зараза, что б ее, никак не снимается? Отрезать руку?! Снять с бездыханного тела?! Варианты так себе! А потому, как в доброй сказке: я от маменьки ушла, я от папеньки ушла и от тебя, чешуйчатый, тоже уйду!

Екатерина Романова

Обраслечена поневоле, или Чешуйчатая подстав

© Екатерина Романова, 2021

© Оформление. Екатерина Романова, 2021

Астория, столица Гардии

Нория, 1035 год

– Ариана Корделия Сэйри Илсе Мейендорф Т’аркан Аркхарган! – чеканя каждое имя, мать все выше поднимала подбородок. Того и гляди, кончиком носа заденет люстру или сделает дырку на портрете моей прабабушки. Спасибо, кстати, предкам за сто тридцать имен. До конца не уверена, какое из них мое, а какое принадлежит давно почившим родственникам.

Я лениво зевнула в кулак и опустила взгляд: когда матушка изволит яриться положено изображать покорность и раскаяние, но думалось, почему-то, об удивительной плодовитости и изобретательности прародителей.

Я знаю и что Корделия, и что Сэйри, и что Аркхарган и все далее по списку. Каждое имя – яркое событие в истории нашего рода. Про сам род и говорить нечего. Если империя падет (бессмертия императору, пусть не кашляет), следую-

ций правитель будет из наших. Персли или Брейн, на худой конец – Кайра, если братьев убьют. О, да. Такое в порядке вещей, когда освобождается трон. В такие времена аристократы мрут как мухи. Кто от чахотки, кто от чесотки, кто от родимого пятна или чечевичного зернышка, вставшего поперек горла. А неудачных падений с лестницы вообще не считать! Три сотни лет назад, когда бездетный император изволил почить, аж тринадцать наследников престола разучились ходить и пересчитали шеями мраморные ступени парадного входа в столичный дворец, а их, на минуточку, семь десятков.

– Подумай о нас! – громыхнул материнский голос, вырывая меня из раздумий. – Отец баллотируется в Совет семи!

Я усмехнулась. Хочу посмотреть на смертника, который рискнет перейти ему дорогу.

– Его биография должна быть безупречна, ты это не хуже меня понимаешь!

Да он может разгуливать по столице в розовых стрингах в обнимку с девицами из дома терпимости, и все сделают вид, что ничего не видели. Это же папа!

– То есть я – грязное пятно в его биографии?

– Ты ведешь себя как эгоистка! – вспыхнула мама и сжала кулаки.

– Ну конечно, это же не тебя обрекают на вечные муки и боль! Ты-то спокойно пользуешься даром!

– Перестань! – легендарная выдержка верховной княгини

Илсе Пайонеты Мерибет Ринолин Мейендорф Т'аркан Аркхарган, то есть моей матери (хотя в такие моменты меня терзают сомнения в нашем генетическом родстве) трещала по швам. Сквозь маску невозмутимости на материнском лице пробивалось негодование. Оно дергало уголки ее губ и рассыпало морщинки между бровями. – Подумай об отце, о сестрах, о братьях!

Ну, началось. Взываем к мифическим существам: совети, порядочности и ответственности. Помянем предков до восьмого колена и их заслуги перед отечеством.

– Они делают первые шаги в карьере, у них первые успехи!

Мама радовалась поступлению Митвела в магический университет больше, чем моему первому слову. Это учитывая, что поступление проплачено еще с рождения Митвела. У брата, конечно, сильный магический дар, как и у всех Аркхарганов, но воли к учебе – как у осла к работе. Как говорится, курица тоже птица, но пока не пнешь – не полетит. Вот так и Митвел.

– Ты хочешь сломать им жизнь? Угораздило же тебя родиться с даром менталиста! – разошлась родительница.

– Еще скажи, угораздило тебя вообще родиться! – фыркнула, привычно надув губы.

По лицу матери пробежало что-то такое, из-за чего у меня земля ушла из-под ног.

– Вот, значит, как, – прошептала потрясенно.

Мать вздернула подбородок и отвернулась к окну.

— Мы с отцом так решили: если ты не согласишься на блокиратор, мы исключим тебя из рода.

Слова прозвучали как гром среди ясного неба. Без всяких там метафор. Они разделили мою жизнь на «до» и «после». Исключить из рода — значит порвать любые связи, не только юридические, но и магические. У меня останется собственная сила, которая положит начало новому роду, но право носить имя Аркхарган я утрачу. Навеки. Как и право поминать в своем княжеском титуле доблестных родственников, неоднократно просиявших не только в истории Гардии, но и наследивших в истории Нории. Хотя, про какой это я титул? Его у меня тоже не будет...

— Что? — прошептала в ужасе, полагая, что у меня проблемы со слухом.

Увы, не со слухом, с пониманием.

— Ты все слышала. Ни к чему усложнять, — нервно заметила мама.

Она старательно разглядывала листья гибискуса на подоконнике, делая вид, что поглощена созерцанием растения, и вопрос моего послушания решен.

Эка невидаль. Поставят блокиратор. Никто и никогда не узнает, что в великом роду Аркхарганов родился менталист. Подумаешь, девочка без магии. Это не так зазорно. Бывает. Случается. Отдадут в монастырь на послушание или выдадут замуж за неприятязательного господина, приплатят ему

щедро, чтобы не возмущался и забудут, как страшный сон.

А мой страшный сон только начнется.

Он уже начался! Кошар шестнадцатилетней девочки становится явью и приближается с неизбежностью драконьей тени, а за ней всегда – шквал разрушительного огня. Глаза защищало от слез, но я приказала себе не плакать. Я не кисейная барышня, хоть и аристократка.

– Конечно. У тебя же еще две дочери. Зачем тебе я – урод с даром менталиста!

Мне захотелось повлиять на волю матери, даже виски обожгло болью. Как это просто – внушить ей, что я самая любимая, что никакие должности, заслуги и деньги не стоят меня, что вместе мы пройдем через это, потому что семья! Про дар никому не скажем, я научусь им владеть, обуздаю. Да лучше скажем, что я родилась пустышкой, чем так... И мама не сможет противиться моему внушению. Никто не сможет. Потому что мой дар – абсолютен, что доводит ее до паники. Но...

Насилу заставила дар умолкнуть. Мне не нужна навязанная любовь. Если родители меня не любят по-настоящему, если им важнее должность и положение в обществе, так тому и быть.

– Хорошо, матушка, – произнесла обреченно. Голос даже не дрогнул, хотя душа обливалась кровью. Сама не верила, что решилась на такое, но я не могу отказаться от части себя в угоду материнскому самолюбию.

Плечи родительницы опустились. Вздохнув, она развернулась:

— О, дорогая! Я знала, что ты не безнадежна! Через час приедет доктор Геринд, установит тебе блокира...

— Нет, мама, — перебила, вскинув голову не хуже Верховной княгини. У меня было много времени, чтобы перенять этот жест. — Хорошо. Исключайте меня из рода.

Голос звучал ровно. Внутри разрастался ледящий душу мороз. Вряд ли я до конца понимала, что говорю и на что себя обрекаю. Но лучше остаться одной и побороться за свободу, чем покорно склонить голову и проститься с жизнью.

Золотая клетка или воля...

Для птицы выбор очевиден.

Родительница изменилась в лице. Хотела бы я увидеть там страх или отчаяние, может благодарность или сожаление. Увы. Там были отвращение, презрение и злость.

Горько усмехнувшись, я развернулась на каблуках и, пока не передумала, быстро зашагала прочь из дома.

Дома, стены которого затягивало мутной пеленой. Стук моих каблуков по мраморному полу и едва различимый шепот шелковых юбок становился все глуше, дальше и дальше, пока не оборвался моим резким выдохом.

Астория, столица Гардии

Нория, 1040 год

Я села в кровати и не сразу поняла, что проснулась. По-

шарпанная деревянная дверь с выщербленными краями, в углу – ржавая раковина с темпераментным краном, скрипучий дощатый пол, давно требующий ремонта – вот моя новая реальность. Сколько бы я ни латала дыры в полу, сосед снизу с завидным упорством снова их расковыривает, чтобы полюбоваться моими панталонами.

Но такова цена свободы, и я не жалею. Разве что иногда. Раз пять-шесть в день...

Зато еще не пожалела ни разу.

Ариана Корделия Сэйри Илсе Мейендорф Т'аркан Аркхарган умерла пять лет назад. Сегодня я Эйри. Серая мышка квартала прокаженных, со странным уродливым даром менталиста, проявления которого все считают «ведьмовскими штучками». Много ли вариантов у аристократки, от которой отвернулась родня, и которая скрывает силу?

Всего два: дом терпимости (но терпеть, особенно в постели – явно не про меня), либо квартал прокаженных, где всем волосато, кто ты, откуда и с какой историей. Потому что каждый первый здесь в силу обстоятельств.

За картонной стеной застонал Лихард.

Хватит киселиться! Пять лет назад я собрала волю в кулак и сделала то, что должна была. Сегодня от меня требуется та же решимость, чтобы спасти жизнь друга.

Кран плюнул в меня ледяной ржавой водой. Каждый раз, когда подхожу к нему, надеюсь на чудо. Пока он только чудит, но и то ладно. Будет и на моей улице горячая вода!

Наспех умылась, поправила платье и вышла из-за занавески.

– Отдохнула? – грустно улыбнулась Жозефина, оторвавшись от чтения. После ночной смены я часто падаю без сил и отсыпаюсь до вечера. За окном отцветал закат. – Милорд ирд Дарлейхасский устраивает отбор невест, – подруга заполнила напряженную паузу и протянула мне сорванное на улице объявление.

Ни портрета, ни подробностей. Драконы словно с ума сошли! Как мартовские коты, сыновья ард Дарлейхасских, ард Тэрнийских, ард Аахтальских, не говоря уже о всяких ирдах, объявили отборы невест по всей Нории. Включая страны низших рас! Слово им дракониц мало. И вообще, смутно себе представляю процесс продолжения рода между драконом и человеком. Всем известно, что человеческой ипостаси у этих монстров нет. Терзают меня сомнения, что древнейшая раса решила разнообразить рацион и победительницу ждет сомнительная честь стать главным блюдом на драконьем столе. Невеста в собственном соку (или, чего хуже – чужом). Шутка ли, что с предыдущего отбора никто не вернулся!

– Знаешь, Жози, – возмутилась, сминая объявление. – Я животных, конечно, люблю, но чисто платонически. Да и не до этого! Я отправляюсь за цветком!

Подруга побледнела и приложила к груди худую ладонь.

– На плаху ты отправишься, а не за цветком!

– Может и так. Но только если поймают, – ответила с жаром, накидывая на плечи черную накидку с капюшоном. Все воры и шпионы пользуются такими, чтобы слиться с черной ночью и остаться незамеченными. А в квартале прокаженных такая накидка жизненно необходима, чтобы скрываться в вечернем сумраке и не привлекать внимание местных обитателей.

Но я ведь не воровать иду! Всего лишь позаимствую один цветочек. От графского сада явно не убудет! У него там уйма и еще вырастут. К тому же, Исконная магия велела делиться!

– Когда поймают! – не отступала подруга, испуганно поглядывая на брата.

Лихард плох. Настолько, насколько это возможно. Магическая лихорадка не поддается лечению, во всяком случае, в Гардии. Могли бы помочь древние, те же драконы или эльфы, но не нам, беднякам из квартала неприкасаемых. Здесь собраны отборные, я бы даже сказала, элитные отбросы общества, у каждого из нас незавидная судьба. У Лихарда с Жозефиной – особенно. Танцующие со смертью выкрали их во младенчестве и выкачивали магию, попутно используя брата и сестру как живые мишени для тренировок. Волей Исконной магии они сбежали и теперь скрываются на территории отвергнутых. И ладно бы на этом злоключения закончились, но нет! Их снедает магическая лихорадка. Обычно такая терзает лишь сильных магов, а у них и дара-то особого нет. Так, простецкие пульсары, едва разгоняющие мрак, да

бесполезные искры, которыми разве что крыс отпугнешь, да и то непуганых. А таких в нашем квартале попробуй найди.

– Жози, если поймают, я использую дар, – отрезала безапелляционно.

Ее глаза расширились. Она схватила меня под локоть и вывела из спальни брата. Ну, как спальни? Мы отгородили Лихарда шторкой.

– С ума сошла?! Об этом сразу узнают! Дом князя увешан магическими отражателями! А что, если на его стражниках защита? Нет. Я не могу... мы не можем... я не смею, – на ее глазах блеснули слезы, и они стали последним аргументом.

– Магические отражатели на меня не действуют, ты же знаешь.

– Но...

– Все, Жози, – рыкнула, едва не порвав перчатку – сильно дернула. – Вари зелье. Я принесу цветок. У меня полчаса до цветения. Во сколько я должна вернуться?

Подруга не решалась.

– Лихард не доживет до утра! Ты это прекрасно понимаешь, – словно в доказательство из-за штопаной шторки донесся жалобный стон. – Второго шанса не будет, Жози!

Она нерешительно потопталась на месте, но, понимая, что я не отступлю, подошла к столу и на обрывке листка набросала расчеты.

– Край – три часа ночи. Тогда начнется вторая ступень зелья. Если мы не вложим перус, потеряем остальные ингре-

диенты.

На столе, рядом с миниатюрным котелком лежало перо из хвоста дивноптицы, волос из носа трезвого тролля (даже вспоминать не хочу, как его доставала), молочный зуб василиска и слеза девственницы. И, если поплакать для дела я еще могу, то с остальными ингредиентами так просто не выйдет. Где вы видели трезвых троллей? Да обязательно без магического отрезвления? Там целая спецоперация потребовалась! С дивноптицей не лучше, я до сих пор не отдала долг бандитам, ошипавшим бедную пернатую. И ладно бы они деньгами брали...

– Но лучше – раньше, – ворвался в мои мысли голос Жозефины. – Перус цветет с полуночи до двух. Зелье будет сильнее, если вложить в него цветущий ингредиент.

– Я обязательно вернусь. Ну, а если нет... ты все же узнай, что там с отбором? Драконы, поговаривают, щедрые. Не пропадете с братом. Разве что в недрах их бездонного желудка, – бросила обнадеживающе и, чмокнув подругу в усыпанную веснушками щеку, выбежала в коридор.

Три лестничных пролета с капюшоном, наглухо задвинутым на лицо. Пьяная компания на площадке по привычке порывалась навязать услуги интимного характера, но шарахнулась в сторону, стоило мне приподнять капюшон. Да, пришлось как-то нарушить закон и применить дар.

Как только мы с Жози сняли здесь комнатуху, эти, с позволения сказать, господа, изволили обратить на нас внима-

ние и предложить, пусть будет, покровительство с оплатой через совместное возлежание. К счастью, герои оказались людьми, то есть крайне восприимчивыми к ментальной магии. Я даже особо не трудилась, но теперь всякий раз, стоит компании меня увидеть, они кидаются врассыпную. Вот и сейчас под звон бутылок и отборную ругань, мужики ломанулись кто куда.

– Спасибо, Эйри! – крикнула баба Райса с первого этажа. Кроме меня эти лбы никого не боятся, а у старушки бессонница. Пьяные вопли мало похожи на колыбельную, хоть тролли и считают иначе.

– Не за что!

А вот на улице не все так просто. Наш квартал – не место для ночных прогулок. Темнота покровительствует либо бесмертным (а вампиры в Гардии что розы зимой, вещь диковинная), либо искателям приключений. Ни первой, ни второй я не была, а потому двигалась бесшумно вдоль каменных стен, поросших мхом, шарахаясь от любых звуков и пытаюсь мимикрировать под обстановку. Спасало отсутствие фонарей и множество закутков. Император не заботится освещением в квартале прокаженных. О нашем существовании стараются не вспоминать, что каждому первому здесь на руку, лапу, клешню и другие отростки. Отгородили нас стеной, поставили магическую защиту и все делают вид, что проблемы нет. Самое быстрое решение проблемы – решить, что это больше не проблема. Примерно так и поступили правящие

много лет назад.

Контрольно-пропускной пункт в город ночью не работает – даже стражники побаиваются местных обитателей. А вот сами местные за небольшую плату всегда готовы перевести на ту сторону.

– Принесла? – громыхнул голос тролля. Того самого, чей волос я раздобыла для зелья Жозефины. Сегодня Грыхард, кажется, был в стельку пьян. Хотя это же тролль, его не поймаешь, пока не просканируешь.

Кивнула, доставая из сумочки зелье трезвости.

– Если Фырша узнает, что снова пил, хвост мне открутит и засунет прямо в...

Выставила ладонь и поморщилась.

– Избавь от подробностей, Грых. Мне нужно в город и срочно!

Опрокинув принесенное мной зелье, тролль взбодрился, фыркнул и, размяв волосатые пальцы, двинулся к стене.

Не все тролли народ дикий и бесполезный. Грых, к примеру, дипломированный специалист стеноходец. С опаской вложила руку в волосатую, пропахшую псиной ладонь, и вздохнула. Никогда таким не занималась, но, говорят, если Грых трезвый, то все получается.

Но однажды он попробовал перевести сквозь стену девуцу, да был так пьян, что сам прошел, а девуцу замуровало в камнях. Два дня она там просидела, пока не вытащили. Грыхард якобы за помощью пошел, а по пути кабак попал-

ся. Ясное дело, о девице он напрочь забыл, а обнаружил ее императорский маг, когда стену обходил с дозором. Жители столичных окраин жаловались на ночные подвывания. Девушка оказалась не привидением, но была не хуже, тем и спаслась. Кстати, чуть позже этот маг женился на несчастной – неприятельский оказался.

Не успела я обдумать эту мысль, как услышала:

– Ну, все, не сдохни там, ахра.

Выдровы тролли! Не выругаешься, тебя, как минимум, не поймут.

– Ундумский волк тебе ахра! Цвыргаш окурванный.

Радостно ослабившись, тролль сверкнул золотым зубом и, поглаживая волосатое пузо, двинулся в обратный путь.

Вот ведь странные местные порядки! Симпатичный мужик с голым торсом – вопиющее попрание морали. А пузатый тролль с волосатой жо... эм, простите, волосатым всем, так нормально. Природа-матушка, все претензии к ней. В Сенате битый год обсуждают закон о статусе троллей. Кто они: животные или существа разумные? Если животные – лишить их прав, привязать к хозяевам, бесхозных отлавливать и усыплять или кастрировать и отпускать. Если существа разумные – одеть, умыть, побрить, причесать, ассимилировать в общество, прикрыть зад. Причем последнее – принципиально.

И все споры упираются в одно: так это ж тролль! Выражение даже стало крылатым. Когда кто-то глупит или поступа-

ет нелогично, можно ударить себя по лбу, закатить глаза и протянуть «ну ты тро-олль!».

Когда Грых скрылся в стене, вильнув на прощанье волосатой за... эм, местом, откуда хвост растет, я с облегчением выдохнула и скинула с лица капюшон. Передо мной раскинулась мощеная, залитая ярким магическим светом дорожка, ведущая в центр Астории – столицы Гардии, приютившей под своей сенью десятки разных рас. Это удивительное место радушно принимает всех, кроме вампиров.

Вампиров в Нории по понятным причинам недолюбливают. Уж лучше древние, чем вампиры, хотя те тоже древние. Впрочем, драконов асторийцы тоже обходят десятой дорогой. После того, как чешуйчатые спалили половину Нории, их не очень-то привечают. И отговорки вроде «что-то пошло не так» и «это вышло случайно, мы перенервничали» не утешают. Драконья междоусобица вышла за границы их долин, лесов и полей, окружающих Гардию. И пусть сородичей усмирили сами же драконы, пострадали в итоге обычные люди и нелюди.

А эльфы – отдельный разговор. Эти длинноухие бледнолицые тихим сапом установили мировое господство. Известное дело, что Орден магов всецело на стороне их повелительницы Раэль. Девушка, вроде, адекватная, но при смене власти вся эта миролюбивая братия миролюбиво заполонит Норию. Всекие расы есть, но все знают, что эльф, с кем бы он ни предавался забавам, дает в итоге эльфа. Добавим к этому длину

жизни, стремящуюся к бесконечности, и причина фыркания в сторону длинноухих понятна. Лично я политкорректна и живу по принципу: не влезай, убьет! И сама никуда не лезу, и прибью, если полезут на меня. С иным подходом в моем квартале не выжить. Но древние... брр!

Быстрым шагом я добралась до ближайшей остановки и поймала повозку. Несмотря на поздний вечер, столица живет бурной жизнью. Ночные феи и танцующие со смертью, чародеи и темные ведьмы, суккубы и другие демоны предпочитают ночную активность, поэтому Астория считается неспящим городом.

Потратив на поездку последние монеты, я спрыгнула с подножки и отправилась к элитному жилому кварталу. Точнее, кустам элитного жилого квартала. Естественно, главные ворота охраняются, но охранять кусты пока не додумались. Считается, что приличные господа кустами не пойдут, но раз уж я неприличная, то мне можно.

Продираясь через репей и колючий шиповник, я благодарила судьбу, что открыла мне удивительный мир богатого тролльского языка, потому что не существует иных слов, способных передать всю гамму эмоций, которые я испытала. Особенно, когда наступила в кучу собачьего дерьма и, отскочив, упала в крапиву.

Если бы не брюки под ворохом юбок, все было бы куда хуже. А так, почесывая обожженные локти, я продолжила путь, пока не уперлась в забор. По периметру княжеского

дома сновали стражники с собаками. Такое впечатление, что там живет контрабандист вампирской крови или торговец запрещенными артефактами, а не князь. Хотя, вырастет ли в саду обычного князя Перус? Этому цветку необходим мощный выброс магической энергии. Мы нашли-то его чудом, по наводке друга Грыхарда, обокравшего соседний дом. У него врожденный дар – абсолютная память до мельчайших подробностей. Как увидел изображение цветка, так сразу и сказал, где искать, даже место точное указал, и сейчас я с воодушевлением взираю на это место, выглядывая между прутьями забора.

Так вот ты какой, цветочек аленький!

Ну, пусть не аленький, а жемчужно-розовый, размером с ладонь, с почти прозрачными лепестками, источающими мягкий свет, но все равно красивый. Растет между забором и домом, мне главное незаметно перелезть, сорвать и сделать ноги. Плевое дело!

Дождавшись, пока охранник с кем-то, отдаленно похожим на собаку (зверски убиенную и впоследствии воскрешенную) скроются за углом, я скинула накидку, чтобы не зацепиться, и ловко перепрыгнула забор.

Ой, ладно. На деле я едва на него залезла и позорно свалилась в газон, отшибив себе бок. Увы, я не супергерой, поэтому эффектной игры мускулами не получилось.

Доползла до розового куста и перевела дух. Охранник наматал следующий круг и снова скрылся за поворотом. И все

же, до чего жуткая у него собака! Словно соткана из черного тумана, и он волочится за ней, оставляя в траве клубящийся угольный дым. Про глаза я вообще молчу: красные рубины, прожигающие темноту ночи как пульсары боевого мага.

За четыре прохода, заметно нахлебавшись страха, я добралась до цветка и сорвала его с куста. Завыла магическая сирена.

Это не я! Это точно не я! Глупость несусветная привязывать сигнализацию к садовым цветам! Да ее установка и обслуживание стоят в миллион раз больше всех цветов никчемного княжеского сада!

Наспех окинула внушительные заросли взглядом и поморщилась. Ладно. Сад вполне кчемный. Очень даже хороший, с редкими цветами и растениями, но...

Хлопнула створка окна на втором этаже и в кусты рядом со мной что-то упало. Я подняла голову, пытаюсь рассмотреть человека, но выхватила только широкоплечую фигуру в окружении тьмы. Я не видела лица, но взгляд меня как будто заклеил. Хотя нет, более подходящее сравнение – отходил лопатой по затылку. В голове загудело, виски опасно стянуло знакомой болью.

С громким хлопком включились световые пушки, и я уткнулась носом в землю.

– Помоги мне, – прошептал кто-то.

Я осмотрелась, но владельца голоса не обнаружила. Мне бы кто помог!

– Мужчина! Аура не читается! – прокричали вдалеке и там же раздался утробный вой потусторонних псов. Они точно из нижнего мира!

Одно хорошо, ищут и правда не меня. Отсижусь тихонько, да и убегу, когда все уляжется.

– Спаси меня! – снова прошептали кусты. И жалобно так, что у меня в душе человечность проснулась. Нечасто она в последнее время просыпается, но вот в данный неподходящий момент возьми, да и...

Ой, все. Ползу я, ползу спасать тебя, кем бы ты ни было.

Неведомое нечто продолжало жалобно пищать, рискуя нас выдать. Активно работая коленями, я поползла на звук, чувствуя непреодолимое, не поддающееся логике желание стать героиней вечера. Виски невыносимо ломило, словно я пыталась применить дар, но я его не применяла. Да и к кому? К кусту что ли?

– Где ты? – прошептала, пытаюсь отыскать девицу в беде. Во всяком роде шепот женский.

– Здесь, ближе, еще ближе, – всхлипывала несчастная.

– Да тише ты, нас найдут!

Доползла до следующего куста и наткнулась на изящный браслет. Не он ли выпал из окна? Задрала голову, но створки были наглухо закрыты, да и мужик оттуда давно смылся. Шутка ли, когда за тобой гонятся псы из нижнего мира. Такие по ауре вычисляют на раз. Стоит им учуять добычу, и можно прицениваться с местами на кладбище. Хотя, вряд

ли будет для этого время, да и места сегодня стоят как хорошенький дом на окраине столицы. Но, если труп не слишком притязательный, за бесценок могут прикопать в одном месте с каким-нибудь выпивохой или лиходеем. Всем известно, в могиле Сворена Храброго, известного в квартале прокаженных пройдохи и разбойника, покоится тридцать пять его подельников, двенадцать любовниц, три бродяги и ни одного Сворена Храброго. Собственно, последний (по непроверенной информации) – все еще серый кардинал наших мест, жив-здоров и даже не кашляет.

– Спаси! – рывкнул браслет. И правда, что-то я не о том задумалась.

В тусклом свете луны вещица таинственно переливалась, щеголяя алмазной крошкой. Три серебристых веточки затейливо переплетались в древнем и отдаленно знакомом узоры. Неописуемая красота!

– Спаси меня! Спрячь меня. Пожа-алуйста!

Эм, погодите. Говорящий браслет?! Серьезно?

Виски обожгло яростной болью. Настолько сильной, что перед глазами поплыли красные круги.

– Спрячь меня! – гарпией прошипело украшение и, повинаясь зову, которому при всем желании не могла сопротивляться, я спешно натянула браслет на запястье. Великоват конечно, но...

Артефакт ожил, превратился в жидкость и, несколько раз обвив мое запястье, сузился до необходимого размера, после

чего застыл, несколько изменив рисунок и количество сплетенных веточек.

– Спасибо, что приняла меня, – прошептал бархатистый голос и боль схлынула.

Ничего я не принимала! Это вообще бандитизм! Это разбойное нападение! Незаконный захват руки! Попыталась снять браслет, но украшение сидело как влитое, будто в кожу вросло.

Зашибись!

Дернула еще раз и еще – бесполезно.

Ай, ладно, дома разберусь, а когда сниму, обратно через забор князю перекину. Мало ли какая у этой штуки история? Я же не воровка в самом деле. Просто угораздило магическому цветку зацвести на территории чужой частной собственности и только! Спрятала браслет под перчатку и притихла, оценивая ситуацию: господа все еще шумели.

– В саду! Он где-то в саду! – истошно вопил мужской голос. – Императорские гончие уже здесь!

Только императорских гончих для полного счастья не хватало! А у тех и сварги на страже. И существа нижнего мира. И архангелы даже. Всякой нечисти и светлости с ними полно. А уж если танцующие со смертью припрутся, то все, собственно. Можно выбирать красивый куст и самозахорониться под ним, потому что с местом для деревянного домика, как я уже говорила, полная жо... Жоржетта, как любит поговаривать Лихард.

Меня бросило в холодный пот. Так. Соображаем и быстро! До забора каких-то сто шагов. Если метнуться, то...

То клыки недособак куда быстрее сомкнутся на моих ягодицах, чем я вскарабкаюсь на каменный забор, который может стать моей надгробной плитой. То есть полная Жоржета накроет меня раньше спасения.

И ведь угораздило кого-то обокрасть князя именно сегодня! Точнее, кого-то, кроме меня! Как же не вовремя-то, а!

Я переползла под соседний куст, поближе к забору, но на мою беду куст оказался лавандой. Кто сажает лаванду в саду?!

В носу опасно засвербело. Зашуршали листья под сапогом идущего в мою сторону стражника. Я в отчаянии заткнула нос, чтобы не чихнуть, но...

– Пчхи, – пискнула, зажав лицо ладонью и страшно вытаращив глаза. Удар сердца. Второй. Третий.

Уф. Кажется, обошлось.

Шаги стихли, а в следующий миг меня рывком вытащили из кустов и подняли над землей как букашку.

Ладно, без паники. Букашка менталист!

Схватила лицо стражника ладонями и...

Чихнула в него.

– Сэйри? – поморщился императорский гончий, бросив взгляд на лаванду.

Уж ему-то прекрасно известно о моей аллергии! Именно лаванду он и подарил на нашем первом свидании, которое

закончилось, так и не начавшись. Я расчихалась и отходила его веником по голове, он обиделся и ушел. А второго и во-все не было, потому что его отец узнал о тайном увлечении сына и отослал на учебу в элитный закрытый военный университет, поскольку не пристало сыну императора, пусть и младшему, волочиться за такой как я. Ну, то есть младшей в роду. Последышкой. Так себе, конечно, причина. Сдается, я не приглянулась его величеству.

Кейлар похорошел. Возмужал. Мне было двенадцать, а ему почти восемнадцать, но и тогда он был ого-го. А сейчас прямо ого-гошеньки!

Я убрала руки от его лица и меня опустили на землю.

– Что ты здесь делаешь?

Виновато улыбнулась и показала цветок. Хорошо, что браслет под перчаткой не видно.

– Уходи, – коротко бросил Кейлар.

– Ваше высочество, есть там кто?

– Сектор чист! – крикнул он и прошептал, окутывая меня щитом тьмы: – Живо!

Понятливо кивнула и перебежками от куста к кусту, тенью выскользнула из сада, неуклюже перевалилась через забор, благо невысокий, и припустила со всех ног к Жози. Щит рассеялся, осыпая тьму клочьями.

Кейлар. Моя первая, единственная и безнадежная любовь. А теперь еще и спаситель!

Шмыгнула за угол и бросилась по мостовой, рассекая ноч-

ную тишину судорожным стуком небольших каблучков.

Успевала! Должна успеть! Лепестки цветка помялись, но я же не на ботаническую выставку его несу. Надеюсь, магия придираться не станет.

Спину обожгло ощущением чужого взгляда, но это не взгляд Кейлара. Он-то мне хорошо известен! Я обернулась, но позади только темнота ночи. Не могла же сама тьма заглянуть в меня! Слышала о таком. Темные псы, например, могли пойти по моему следу. От этой мысли сердце работало быстрее ног и грозилось первым добежать до нашей хибарки. Хотя вряд ли хлипкая деревянная дверь станет преградой для псов. А жалобные крики «нельзя, я в домике» станет вишенкой на пироге их триумфа.

Я чуть не споткнулась, когда мне снова треснули ментальной лопатой по голове... три раза! Да что ж такое? Цветок что ли проклят? Будто кто-то насадил меня как червя на крючок и активно дергает, пытаясь вытащить вместе с рыбкой. То есть, браслетом.

Ну, ты, мерзкая вещица. Подставила меня, поймав на человечность.

Вещица нагло молчала. Видимо, понимала, что провинилась. Как доберусь до дома, как намылю, как сниму!

Между лопатками щекотало от страха. Я не видела погоны, но чувствовала, что тьма следует по пятам и в ней кроется кто-то пострашней тех собак с красными глазами. Бежала я, высоко задрав подол (благо под ним легкие брюки). Когда

девица в панике, тут уж не до приличий, так что на осуждающие взгляды поздних путников внимания не обращала.

Отвлечься! Дорога дальняя, а я рискую скончаться от страха раньше, чем добегу до дома. Думаем о приятном! Что это за тень? Шарахнулась в сторону от бродячей собаки и тряхнула головой. Кейлар. Думаем о нем!

Его возвращение стало приятной неожиданностью. Раз вернулся в Асторию, то найдет меня. Это вопрос времени и желания. Мое-то желание неизменно, а вот его... Интересно, у него появилась девушка? А что, если да?! Эта мысль саданула по сердцу, надежно отодвинув страх куда подальше.

Впрочем, я зря страдаю. Император не одобрит наш союз. Еще в двенадцать лет моему отцу четко дали это понять. Да и вообще, я коплю деньги, чтобы сбежать в Эсаил. Эльфы лояльны к менталистам. Может ли быть иначе, когда каждый второй сам телепат? Они оттелепатят так, что мой жалкий дар и рядом не валялся. Поэтому Эсаил. Благодаря реформе Повелительницы Раэль, даже иностранцы могут бесплатно поступить в эльфийские университеты и школы, правда, с обязательной отработкой в течение какого-то времени на их территории, но обязательное трудоустройство в моем случае скорее бонус, чем недостаток. Замуж я не планирую, упаси Исконная магия, хватило с меня отца и проблем, с которыми я столкнулась по его милости. Моя мечта – свобода и независимость. И разменивать ее на любовные переживания я не собираюсь.

Грых ждал в условленном месте и провел меня сквозь стену. Признаться, на его счет были разумные сомнения, плату в виде зелья он уже получил, но «слово тролля», смешно сказать, сдержал. Бросив что-то шутливо-оскорбительное, я продолжила забег. После такого либо легким концом, либо ноги отпадут. На третий этаж я взлетела со скоростью ураганного ветра, едва не вышибив двери. Жози благоразумно не заперла их, тем и спасла хлипкую преграду между коридором и, так сказать, жилплощадью.

– Скорей! – всхлипнула подруга, буквально вырывая цветков из моих рук.

Я слишком долго просидела в кустах из-за незадачливого вора. Если из-за него опоздала, не знаю, что я с ним...

– Успели! – радостно взвизгнула подруга, и я рухнула на пол, позволив себе выдохнуть в скрипучую половицу.

Я дышала как загнанная лошадь, но это уже частности. Главное, Лихард теперь поправится! Обязан поправиться. Жозефина природный зельевар, она чувствует болезни и противоядия, каким-то неведомым образом мир разговаривает с ней, подсказывая, как решить какую-то проблему. Есть подозрение, что они с братом – ведьмы, но все никак не решимся наведаться на шабаш. Тут в одиночку не разберешься, кто они: Борхес или Сотхо, может стихийники и к ведьмам не относятся. Через год Жози и Лихарду исполнится девятнадцать, и они планируют поступать в Университет магических наук: полный пансион, гарантированное трудо-

устройство. Если повезет – это их билет в счастье. Несчастное прошлое здорово потрепало им нервы, так что будущее, можно сказать, им крепко задолжало...

Отдышавшись, я едва нашла в себе силы подняться и запереть двери. Скинула ботинки, стянула брюки, из-за которых ноги страшно вспотели. Даже в бедном квартале женщина обязана носить платье из гхыр пойми скольких слоев ткани, жутко мешающей нормально двигаться, поэтому брюки я надела под юбки. Так, на всякий случай. Рядом кинула перчатки и уставилась на браслет.

Молчал, гад. Точнее, гадина.

Ноги дрожали, грудь болела, в голове гудело. Шутка ли, столько раз по ней ментальной лопатой треснули! В том, что это работа телепата – не сомневалась. Может, эльф, а может кто-то из императорских гончих. Таких как я либо запечатывают, наглухо, либо отправляют в служение его величеству. А оттуда не возвращаются. Солят там телепатов, или вытяжки из них делают, на опыты пускают – неизвестно. Такой участи я себе не желаю. Жаль, что у матери на этот счет другое мнение.

– Эйри, – восторженно выдохнула Жози, вырывая меня из раздумий.

Оторвалась от созерцания изящных граней браслета и перевела взгляд на подругу. Она держала в ладонях бокал с ядовито-зеленой жидкостью. Та еще дымилась и должна охладиться.

Цвет-то какой... оптимистичный! Веселенький. А это вообще нормально, да?

– Ты уверена, что цвет должен быть таким? – спросила с сомнением.

– Я интуит, – неуверенно ответила девушка. – Хуже быть уже не может. Брат тает.

Великолепный ответ. А главное, обнадеживающий!

Я отодвинула шторку. Под Лихардом намокла пятая простыня. Предыдущие еще не высохли, менять не на что. Бледный, осунувшийся, он едва ли походил на человека. Скелет, обтянутый кожей. Эта выдрова лихорадка словно вытягивала из него последние силы.

– Остыло, – взволнованно произнесла Жози.

Ее руки дрожали, поэтому бокал взяла я. Тут главное не мешкать. Усадили парня, открыли рот, залили зелье, уложили обратно и выдохнули. Ну все. Теперь мы либо убийцы, либо спасительницы.

Лихарда выгнуло дугой.

Я выронила бокал и отшатнулась, когда из его груди вырвался оглушительный крик, а затем нечеловеческое рычание. Жози побледнела, кинулась к брату, но того трясло как осиновый лист на ураганном ветру. Его кожа покрывалась уродливыми наростами, которые тут же исчезали, впитывались обратно.

Что за жуть?

– Лихард! Лихард, прости... прости, я...

– Что ты сделала, Жози? – я подскочила к другу и уложила холодные ладони ему на лоб. Раньше это помогало. У меня нет целительского дара, но мои прикосновения немного облегчают мучения Лихарда и Жози во время приступов.

– Понятия не имею. Я все рассчитала правильно, мы...

Она замолчала на полуслове, потому что брат замер. Внезапно остановился в одной позе, выдохнул и обмяк...

Мы отшатнулись.

Лихард открыл глаза.

Глаза, располовиненные узким вертикальным зрачком, рассекающим ярко-изумрудную радужку. Моргнул и все исчезло. Мы с Жози в ужасе переглянулись, словно надеясь, что привиделось.

Увы.

– Ты...

– Ага, – пискнула, глядя на Лихарда как на порождение нижнего мира. – Ты кто?

– Тебя что, по голове ударили? – усмехнулся парень, неловко потягиваясь. – Сестра, дай воды...

Жози попятилась, споткнулась о ведро, грохнулась на пятую точку, икнула. В этот момент двери в нашу каморку распахнулись, являя разъяренного незнакомца. Шпингалет, с жалобным визгом укатился в угол и затих.

Я сразу узнала гостя, потому что мне снова треснули лопатой по затылку, да так, что я свалилась на колени, рядом с Жози.

– Ты! – прошипела, потирая затылок. – Хватит!

Окинув яростным взглядом нашу компанию, мужчина в два шага преодолел разделяющее нас расстояние и рывком поднял обеих на ноги. Жозефина не устояла и хлопнулась повторно. Я вцепилась в руку незваного гостя и устояла. Он безошибочно впился взглядом в браслет на моей руке и прорычал:

– Потом. Иди с глаз.

– Что вы себе...

Продолжить не смогла. Мне заткнули рот! Не знаю, что за сила у незнакомца, но я онемела. Попыталась крикнуть, даже ногой топнула – тишина. Точнее, каблучок впился в дряхлую половицу, продырявив ее, к радости соседа снизу, но в остальном – тишина.

«По какому праву вы врываетесь в наш дом?» – выпалила с яростью, отшвыривая руку незнакомца, за которую все еще держалась.

Он повернулся ко мне, словно только что заметив. Высокий, широкоплечий, со странной прической, которые не носят в Гардии: волосы до лопаток, черные, как вороное крыло, гладкие и блестящие. Пряди у висков заплетены в косы и скреплены на затылке. Хищный взгляд незнакомца впился в меня как гарпун в жертву. Резкие скулы, квадратный идеально выбритый подбородок, светлая кожа делали его образ нечеловеческим.

В том, что передо мной не человек я догадалась сразу. Де-

мон? А то и кто похуже, из нижнего мира...

«В эту халупу? С тобой, воровка, мы позже поговорим».

«Сказал вор, за которым гоняются императорские гончие!»

Меня снова треснуло лопатой по затылку, развернуло и вышвырнуло из гостиной в мою комнату. Я ринулась вперед, когда ослабла ментальная хватка, но двери захлопнулись прямо перед моим носом. Сколько бы я в них ни долбилась, они не поддавались.

«Не смейте их трогать!» – крикнула невоспитанному гаду. – «Если с их головы хоть волос упадет, я вас по стенке размажу!»

Смутно себе представляю этот процесс, но главное угроза, а там по ходу дела разберемся.

Отвечать незнакомец посчитал выше своего достоинства. Но, будь хоть какая-то опасность, Жози и Лихард не промолчали бы, визжали бы как резанные, уж я-то их знаю. Если им, конечно, также не заткнули рот. Я с ужасом прислушивалась к тишине за стеной, прерываемой негромкими звуками и силовыми откатами. Они ударялись в двери и словно стекали с нее, будто по ту сторону установлен силовой контур.

Что за...

Время тянулось неумолимо долго. Поняв, что подслушать не светит, я занялась артефактом. Крепко намылила руку и сунула под нестройную струю ледяной воды, пытаюсь содрать браслет. Именно содрать, потому что ни один разум-

ный способ снять не работал. Кожа вокруг артефакта покраснела и распухла, а гадкая вещица цепко обнимала мою конечность.

– Слезай, кому сказала! – ворчала, силясь избавиться от ненужного украшения. Сунула руку с браслетом под юбки, зажала коленями и, неприлично кряхтя, потянула, что было мочи.

– Гхм, гхм! – раздалось громогласное покашливание.

Зашибись.

Хорош видок, наверное, сзади.

Выпрямилась, сдула со лба упавшие пряди и резко развернулась.

– По какому праву... – начала и споткнулась. Голос вернулся! Меня так обрадовал этот факт, что я даже реплику не закончила.

– Это мы уже проходили. Отдай. Это тебе не принадлежит.

Мужчина протянул широкую ладонь, являя собой прямо образец терпения.

– Жози и Лихард...

– Живы и отдыхают. Зелье первого огня останавливает трансформацию на неделю, не больше.

– Трансформацию? Какую трансформацию? Что вы...

– Браслет, – громыхнул голос.

Мне почудилось, что мужчина зарычал, но не как собака, а как опасный зверь.

– Забирайте на здоровье! – вложила свою ладонь в руку незнакомца и замерла.

Его кожа оказалась горячей и бархатной на ощупь. У мужчины в принципе не может быть такая мягкая кожа, а у него – была, словно за ней долго и тщательно ухаживали. Даже у моей матери не такие мягкие руки, а уж она завсегдатай салонов красоты! Не удержалась и провела пальцами по внутренней стороне его ладони, коснулась запястья.

Вот те раз!

На запястье незнакомца такой же браслет, под которым слой змеиной кожи!

Полный выдрец!

– Вы что делаете? – прорычал мужчина. На этот раз рычание вырывалось из его груди глухим раздражением.

– Куда вам два браслета?

Грубить в мои планы не входило, да и браслет оставлять себе – тоже, но поведение незнакомца повлияло на меня нехорошо. А, может, это магия браслета. Кровь вскипела, внутри все бунтовалось, словно мы с ним две противоположности. Причем настолько разные, что один его вид вызывает внутренний протест.

– Точнее, я хотела сказать, забирайте. Если сможете, конечно.

– Игры играешь?

Он небрежно накрыл ладонью мое запястье, потянул на себя и осекся.

– Присоединяйтесь, вместе поиграем.

– Быть того не может, – прошипел он, вскидывая на меня яростный взгляд.

– Эй, полегче! Я, вообще-то, невинная жертва! Эта гадина принудила меня надеть ее! А теперь не снимается. Что прикажете делать?

Прикрыв веки, мужчина произнес, словно топором отрубил:

– Отменяю!

Потянул браслет – ни в какую. Как в детской сказке про сладкий турнепс, который все семейство, включая несчастного кота и грызунов, пыталось вытащить из грядки да не могло. Может, соседей позвать и дело на лад пойдет? Хотя, тут уж не до шуток.

– Отменяю! – повторил он, словно браслет мог сделаться глухим.

– Тебя весь дом услышал, а сосед снизу еще и увидел. Это не работает.

– Asher m'khat! – прошептал он бархатным, словно змеиным голосом. Правильно! Не можешь взять нахрапом – попробуй лаской.

Попробовал. Не прокатило.

Я совсем пригорюнилась и посмотрела на мужчину с надеждой:

– Может, есть еще способы?

Отшвырнув мою руку, он решительным движением вынул

из-за пояса причудливо изогнутый кортик. Отшатнулась и спрятала конечность за спину.

– А какие-то менее радикальные варианты? – прошептала в ужасе, отступая к окну.

Ну, как к окну? Под потолком имеется небольшое прямоугольное отверстие, но, если через него можно высунуть на улицу руку, то, получается, что это окно, не так ли?

Маленькое окно. Нестандартное.

– Отрежу тебе руку. Сниму Шаамни, приращу руку обратно, и мы забудем этот день как страшный сон. Будет почти как прежде. Скорее всего, даже останется чувствительность.

От такой наглости в раковине кашлянул кран и выплюнул сгусток ржавчины. Спасибо, родимый, за солидарность!

– Чув... чув... ик, чувствительность? – я не заика, но тут ситуация располагает. – Отрежешь мне руку? – взвизгнула, упираясь спиной в стену. – Ради ворованного артефакта?

– Строго говоря, ты украла артефакт, который украли у драконов, и который украл я, чтобы вернуть законному владельцу! Отбросим моральные терзания, я отрежу тебе руку, выплачу компенсацию от имени Дарлейхасского императорского рода за членовредительство, и разойдемся.

Вряд ли я понимала, что делала, но схватила с прикроватной тумбочки первое попавшееся и швырнула в лицо нахалу.

Первое попавшееся оказалось пудреницей. Моей единственной, между прочим, оставшейся со времен роскошной жизни в отцовском дворце! Припудренный членовредитель

выглядел удивленно, но не более. Деморализован? Нет, к прискорбию. До кучи швырнула в него пустой баночкой и, пока облако бежевой пыли не осело, забралась на тумбочку и нырнула в окно. Мне даже удалось наполовину вылезти, но предательские юбки усложнили задачу.

В итоге я застряла. Мало того, что моя верхняя половина позорно торчала из окна третьего этажа (а внизу, между прочим, помимо крапивы еще репей и мусорный бак, облюбованный крысами!), так моя нижняя половина позорно болталась прямо перед носом любителя отрезать дамам конечности.

Впрочем, был и положительный момент! Упомянутая конечность со спорным артефактом была при мне. То есть сверху. То есть на улице. То есть вне досягаемости не в меру кровожадных подлецов.

Я дернулась. Попробовала втянуть себя обратно в комнату или выбраться наружу – бесполезно. Юбки зацепились за гвоздь и вообще ситуация намекала, что кое-кому пора сесть на диету или хотя бы заняться спортом. Не то чтобы я толстая, вовсе нет! Природа наделила меня стройным станом и крепкими формами, но в данный момент это вряд ли можно назвать достоинством. Лучше бы голодала, честное слово! Не оказалась бы в такой ситуации.

– Любопытно, – усмехнулся хам, обращаясь, видимо, к моей нижней части.

И что там любопытного? Задница как задница! Надежно

укрытая юбками, молодая, подтянутая, и вообще всем задницам задница! Сосед снизу подтвердит!

– Помогите же мне! – прорычала, бессильно болтая ногами. Мое плачевное состояние стало совсем уж безнадежным. Да и что это я к нему на «вы»? – Ну, чего стоишь? Достань меня!

К счастью, уговаривать не пришлось. Мужчина бесцеремонно ухватил меня за бедра, потянул и поставил на пол. Все это так легко и непринужденно, словно безе с полки достал, а не даму бараньего веса из угольного ушка вытянул.

– Руки убери! – прошипела, обращаясь к стене.

– Чтобы ты снова застряла?

– Как добропорядочный господин, после такого ты просто обязан на мне жениться! – съехидничала в ответ и развернулась, сбрасывая со своих... эм... бедер, чужие конечности.

– Какое счастье, что я не господин, и на меня столь сомнительная честь не распространяется.

Какое счастье?! Какое счастье говорит! Да я такое счастье, что ему и не снилось! Не его счастье, к моему счастью!

Швырять в него румянами вовсе не планировала, оно как-то само получилось!

– Хамло подзаборное!

Тюбик с помадой, увы, не достиг цели, не долетев до подзаборного каких-то пару сантиметров. Жаль. Я бы с радостью посмотрела, идет ли его светлой коже винный цвет.

– У меня нет времени на концерты. Либо отрезаем руку

и расходимся, либо идем к моей матери, она поможет разобраться в ситуации.

– Великолепно! И кто у нас мать?

Терзали смутные сомнения, что волчица из местных лесов, это бы прояснило ситуацию с воспитанием.

– Женщина, способная снять с тебя браслет.

Шикарно!

– Тебе придется найти другой способ, потому что в мои планы путешествия к родителям не вписываются!

– Планы? – злобно усмехнулся он, окинув мою комнату презрительным взглядом.

Ой ли! Сам поди не принц! Черная шелковая рубашка, брюки из дорогого не мнущегося материала, высокие кожаные сапоги, начищенные до блеска, ремень с драгоценными камнями. В треугольнике ворота какие-то кулоны... А мышцы... Хм. Ну, ладно, допустим, не бедняк, но это не дает ему права общаться со мной так брезгливо!

– В мои, знаешь ли, планы тоже не входило создавать пару с неотесанной голодранкой из квартала неприкасаемых.

Как он меня назвал?!

– Что-о?! – прошипела, свирепея.

К глазам прилила кровь, даже веко дернулось.

– Да, это не обычные браслеты, поэтому...

– Повтори, как ты меня назвал?! – перебила, не желая слушать оправдания.

Да что там, я вообще не слышала, что он сказал после фра-

зы про неотесанную голодранку. Магия хлынула сама. Виски заломило от невыносимой боли, глаза заполонило тьмой. Сквозь плотную пелену магического тумана, я едва разбирала, что творится. Воздух сгустился, накапливая мощное энергетическое поле, а затем раздался взрыв. Ментальная волна отбросила незнакомца к двери, хотя должна была прошибить им стену! Пользуясь замешательством, выбежала в коридор и бросилась на улицу, перепрыгивая через несколько ступенек. Эх, туфли забыла!

Острые камни кусали мои голые пятки. Дорога усыпана щебнем и бежать по ней то еще удовольствие. Обернулась – никого, но все равно ускорила, виляя по тесным улочкам. Трехэтажные домишки, хаотично разбросанные по кварталу, создавали для чужаков непроходимые лабиринты с тупиками, западнями и откровенно коварными закутками вроде того, в который я уткнулась.

Да закуток сам по себе обычный: железная сетка забора, через которую можно перемахнуть, два переполненных мусорных бака с непередаваемым амбре, и поросшие мхом стены заброшенной больницы. Все бы ничего, но в темноте ночи ярко горел огонь в железной бочке, вокруг которой толпились господа откровенно бандитской наружности.

– Опаньки, кто у нас тут! Иди сюда, цыпа, – осклабилась первый.

Попятилась и ударилась в чью-то грудь. Не заметила, что за спиной нарисовался еще один бандюган. Присмотрелась

лучше и ужаснулась.

Это не просто бандиты. Это мои знакомые бандиты и, вот незадача, я им крепко задолжала!

Невинность.

Да-да, кто в здравом уме согласится променять невинность на два пера из задницы дивноптицы? Разумеется, я не планировала отдавать долг натурой. Надеюсь, что успею что-нибудь придумать, лишь бы зелье помогло. Зелье помогло, а вот мне вряд ли кто поможет. В общем, эта альтернативно одаренная девица, торгующая невинностью – я, стоит перед толпой кредиторов, и лихорадочно соображает, как рассчитаться.

Беспроектный вариант – шарахнуть по ним ментальной волной, но вот незадача, я уже сделала это с наглечом в своей хибарке. На второй такой фокус у меня не хватит сил.

– Парни, честное слово, сейчас вообще не вовремя! – протянула жалобно, надеясь, что гоблины и тролли войдут в положение. И, если тролли еще могут, то гоблины – вряд ли. Каждая девственница, лишенная, собственно, девственности, увеличивает их жалкие природные силы. А в квартале отверженных не действуют императорские законы, здесь довлеет право сильного. Кто сильнее, тот и Папа. – Может, подождете до завтра? И, кстати, вы определились, кому конкретно я буду отдавать долг?

На мои плечи легли тяжелые ладони, кажется, огра, огромного мужика, не обремененного интеллектом, с зеле-

новатым цветом кожи и избытком мышц во всех местах.

Допрыгалась.

Вообще, парни слово сдержали. Перо дивноптицы для зелья Лихарда они достали, а вот я вторую неделю заговариваю зубы и всячески удираю от исполнения обещания. Неприятели замешкались и переглянулись.

– Айх, ну ка отпусти! – пригрозил Зувер, глава шайки: высокий тощий индивид, смесь человека и тролля. Волосатым у него было все, кроме задницы и, как ни странно, лица. – С чего решил, что это твоя добыча? Мы по-честному, жребий бросим! А там уж дальше по кругу пустим в счет погашения процентов.

– Что?! Мы так не договаривались! – прорычала, шагая в сторону.

И я почти сбежала, но Зувер дернул меня за юбку и резко рванул на себя.

– Куда намылилась, ахра? Мы, может, все и разом должок получим. Тоже вариант!

Эх. Ну, где же ты, волна ментальная? Зачем только растратила на того му... жика? Сейчас во мне сил разве что на одного гоблина и то, если он в изрядном подпитии. А он, на мою голову, так некстати трезв.

– Дай-ка проверим товар. Парни, придержите ее.

Когда «парни» по одному подступили ко мне, то оба получили. Один по коленной чашечке, второй по отростку между ног. Айху ударила в живот и в кадык, но огр не шелохнулся.

Дернул меня, как тряпичную куклу, и завел руки за спину.

– Сцакха ррыкхная! – выругался Зувер, занося руку для удара.

Зажмурилась, готовая к звонкому «шлеп», но раздалось неожиданное «хрусь», за которым жалобный вскрик и тишина.

Открыла один глаз и обомлела. Зувер корчился от боли под пологом молчания. Мой спаситель легко выкручивал ему руку, всего лишь удерживая за кулак.

– Отошли от моей женщины, – скучаяще приказал, как я там говорила? Ах, да, спаситель ненаглядный!

– Твоей?! – прорычал Зувер, падая на гравий и возвращая возможность говорить. Он прижимал к себе сломанную руку и жалобно поскуливал.

– Женщины?! – подхватили другие, бросая на меня обобленные взгляды.

– Проблемы со слухом? – не оборачиваясь, уточнил черноволосый... как его там по имени?

Айх, все еще стискивал мне руки за спиной и замешкался. Зря он это.

Уже потом, когда отточенный удар отправил его на землю, наверняка пожалел.

Не будь душой, я сразу сообразила, кто тут Папа, и спряталась за его спиной.

– Итак, господа, – заложив руки за спину, произнес, собственно, «папа». – Кто мне объяснит, что здесь происходит?

– Эта выхоль, – начал Зувер, сплюнув на землю, – забурбенила цыкаку! Мы свою часть отыхрдачили, а она кинула нас как врыль забухалю, выдрова ахра.

Хорошо-то как сказал! Музыка прямо.

Виновато пожала плечами и улыбнулась, когда «папа» перевел на меня задумчивый взгляд.

– Ничего не понял. Переведи.

– Странно, что ты не знаешь тролльего, – изумилась, робко выглядывая из-за широкого плеча спасителя. Да что там, я вцепилась в его рубашку как репейник.

– Странно, что ты его знаешь.

Проигнорировала замечание и пояснила:

– Эти уважаемые бандиты выполнили для меня одно дельце. А я со своей стороны... эм... так сказать, не отдаю долг.

Улыбнулась премиленькой улыбкой, переступая с одной голый ступни на другую и разве что не вжимаясь в сильную спину спасителя. Ну, знаете, между тем, кто желает отрезать мне руку (и все еще не отрезал, хотя мог) и толпой тех, кто желает не только мою девственность, но и мою голову отдельно от тела, я выберу первого. До поры до времени, разумеется.

Мужчина усмехнулся и повернулся к господам бандитам.

– Женщина не обязана держать слово. Заключая с ней сделку, вы должны были это понимать. Как бы то ни было, я беру ее долг на себя, если леди, конечно, не против.

Я истерично хохотнула, а бандиты от такого предложения

онемели.

– А можно я посмотрю, как ты будешь мой долг отдавать? – проговорила сквозь смех.

– Ты, выххоль окваный, – прорычал, кажется, Борвальд. Или Дорвальд, кто там этих троллей разберет. Он вынул из-за пояса кортик и двинулся вперед. – Оволосел такое предлагать?!

Мой спаситель поднял бровь.

– Ашвархан выдров! Кишерка дрищенка арха вррых!

Предоставляя услуги переводчика, причем, бесплатно, я вздохнула и произнесла:

– Они полагают, что ты... эм... в общем, сомневаются они, что ты способен постоять за женщину. Говорят, что даже за себя вряд ли постоишь.

– Ахердык кьерз! – рыкнул гоблин, который все это время скрывался за спинами других.

– Оценочные суждения, – отмахнулась. – Вовсе ты не такой страшный.

По мне мазнули смешливым взглядом, а вот по гоблинам и троллям уже стальным. Да что там, от такого взгляда подобно земляной жабе хочется зарыться в земельку и крикнуть «я в домике»! В детстве работало же, почему перестало?

– Кейтрах харрах!

– Хо-хо! – я поиграла бровями и пригрозила троллю пальцем. Это низко даже для них. – Не переводится. Никак.

– Что сказали? – незнакомец сузил глаза, словно почувствовал что-то.

– Сильно любишь свою маму? В общем, по законам квартала неприкасаемых, за такое ты можешь с чистой совестью обесчестить длинноязычного.

– Что, прости?!

– Побрить ему задницу.

Здесь иные законы. До Зувера, который стыдливо прикрывал ладонями место, откуда хвост растет, кто-то добрался раньше меня.

– Великолепное предложение, но я, пожалуй, откажусь.

С лица спасителя слетела веселость.

– А вот за то, что тронул мою мать...

Мужчина преобразился, да так сильно, что я невольно отшатнулась. Мне показалось, словно в его чертах промелькнуло что-то звериное! Легко списать на темноту, но ее словно расчертили сапфировые отблески длинного хвоста.

– Вварх! – выплюнул Зувер неприличное даже для троллей слово. – Нашинкуем его!

– По-доброму они не понимают, да? – спокойно уточнил незнакомец. Хотя, чего уж там, теперь он официально знакомец. Ему подойдет имя... Герт. Или Гардиан. Да. Гардиан самое то – защитник!

– Не тот квартал, – хмыкнула, предусмотрительно шагая назад.

На мужской поножовщине даме не место. Мало ли – от-

влеку спасителя, его порежут. Нехорошо. Не дело. Я лучше в сторонке постою... кварталов за пять-десять, пока мне снова руку отрезать не попытались.

– Жди здесь, я быстро, – вздохнул мужчина, отправляясь на верную гибель.

А ведь хорош, подумалось мне. Я даже залюбовалась его движениями: быстрыми, легкими, точными. Бандиты истерично плясали вокруг него, сотрясая кто чем: палками, ножами, булавами, камнями, подскакивая то с одной, то с другой стороны, а Гардиан отточенными ударами укладывал их на лопатки одного за другим. Когда из двенадцати парней осталось четверо, я поняла, что задержалась и дала деру. Умирать мой спаситель явно не собирается, ему и легкого тычка не досталось, а вот бандиты, дай Исконная магия, смогут сломанными руками выбитые зубы собрать и доползти до ближайшей ночлежки.

Улепетывала я быстро, невзирая на боль от острых камней. Нужно где-то переждать ночь, отдохнуть и восстановить силы. На ум пришла таверна Грыхарда, только он не задаст вопросы, не выдает постояльцев, даже полиции и императорским гончим (только за очень большие деньги). Да и местечко неплохое.

Добралась быстро, ворвалась ураганным ветром и, удравшись в разносчицу пива, остановилась. Тяжело дыша, обвела таверну оловянным взглядом. Тут все как обычно: лениво играет баянист на табуретке возле барной стойки, бар-

мен разливает пойло сомнительного качества (как по мне, так разбавляет ослиной мочой), постояльцы жуют, пьют, режутся в кости и тискают баб за тела. В углу завязалась пьяная драка, но на нее никто не обращает внимания, только подавальщицы отряхают ругательства, что приходится поднимать мебель.

Здесь мне ничего не угрожает. Все знают, что Эйри голыми руками не возьмешь. О моем даре особо не распространяются, но меня побаиваются, как существо непредсказуемое, к тому же, бабу. А бабу с магией сама Исконная магия велела бояться.

– Комнату, – потребовала, бросив на стол последние три медяка.

Грых смерил меня сочувствующим взглядом, плеснул медового чая и кивнул на лестницу. Опустошив кружку, я поднялась наверх. Комнату выбрала в конце коридора, подальше от любопытных глаз, изнутри подперла стулом и прямо так, в платье, свалилась на грязное покрывало. Комнатушка полтора на полтора, немногим больше туалета в нашей хибаре. Здесь стоит одноместная кровать на сломанных пружинах, больно врезающихся в ребра, тумбочка и умывальник со ржавой затычкой. Не работает – проверено. Так, для блезиру поставили. Это чудо санфаянса – явно прадедушка моего темпераментного умывальника.

В окно дышала ночная прохлада. Ни шагов, ни звуков погони, да и снизу доносились только пьяные песни, да шутили-

вая ругань. Ментальной лопатой меня больше не било, ощущения чужого взгляда не было и это обнадеживало.

Выдохнув, я провалилась в сон. Отчаянно нужный сон.

И здесь началось самое интересное. Мне приснился дракон! Как и многие, драконов я видела только на картинках (к счастью). Не так давно, два залетных экземпляра спалили к выдровой бабушке три деревни на подступах к Астории. Три сотни бойцов полегло, прежде, чем сами же драконы утомили зарвавшихся ящеров. Политический скандал замяли как-то подозрительно быстро. Народ еще долго возмущался, особенно, когда объявили первый отбор невест для драконьих мужиков. Невесты, понятное дело, не вернулись. Но суть не в том.

Мне снился дракон! Мне. Самый настоящий, огромный, в сапфировой чешуе. Казалось, он высечен из драгоценного камня – так сияла и переливалась на солнце его чешуя. Но что самое поразительное, я влюбилась в этого дракона! Моментально! Как только он обратил ко мне взгляд своих огромных золотых глаз с тонкой линией зрачка, поняла, что пропала.

Он покорно сложил вдоль спины крылья и положил передо мной огромную морду, размером с половину меня. Смело подошла ближе, провела ладонью по роговым выступам вдоль носа. Дракон закрыл глаза и зарычал от удовольствия.

С виду чешуя жесткая и холодная, а на деле – мягкая и приятная.

– Гардиан, – промурлыкала я, не узнав собственный голос. – Ну, что ты, малыш? Ты должен отпустить его...

Гардиан распахнул глаза и рыкнул. Я пошатнулась и неодобрительно покачала головой.

– Ты должен! Прощу тебя...

Ласково провела ладонью по морде, коснулась губами горячего влажного носа. Зверь словно таял, становился мягким, податливым, будто утекал сквозь мои пальцы, уменьшаясь до невероятных размеров, пока передо мной не оказался малыш лет пяти. Голый и с большими сапфировыми крыльями. Взмыв в воздух, он тряхнул копной черных волос и заявил:

– Однажды ты станешь моей Шаамни!

– Ты вырасти сперва, – усмехнулась и погналась за малышом по зеленому лугу, усыпанному ромашками. Он улетап, то взмывая ввысь, то опускаясь ниже, позволяя себя поймать. Наконец, крепко ухватила его и прижала к сердцу. – Попался!

– Это ты попалась, малышка, – прошептал он, обхватывая мое лицо ладонями.

Слишком крупными для ладоней малыша. Он потяжелел, выпал из моих рук и ступил в траву голыми ногами красивого юноши.

Удерживая мое лицо, мальчик поцеловал меня в одну щеку. Трогательно, нежно, до щемящего чувства в груди. Следующий поцелуй утратил целомудренность. В мои волосы

скользнули уже мужские пальцы, а щеки коснулись губы взрослого мужчины. Третий поцелуй накрыл губы. Я не успела отшатнуться, да и вряд ли хотела этого. Мы замерли.

Стыда не было. Наоборот – живой интерес и дикое, почти животное желание. Я никогда не целовалась, поэтому неуклюже подалась вперед и обхватила губами нижнюю губу мужчины. Меня словно окунуло в кипяток. Я обмякла и не упала только благодаря сильным рукам, вжавшим меня в голое тело. Какой же он сладкий! Именно сладкий, а еще мягкий и пьянящий, как зрелый персик, который хочется пить, втягивая губами, слизывая сладостный нектар. Коснулась языком его губ и судорожно выдохнула. Персик с привкусом мяты. Кажется, я сошла с ума...

Незнакомец не двигался. Не целовал, не отталкивал. Прижимал к себе и с напряжением вглядывался в мое лицо. Хотя, сколько можно называть его незнакомцем? Я решила именовать его Гардианом.

– Ты пахнешь мятой, – заметила задумчиво, не в силах оторвать взгляд от его губ. Теперь я знаю, что за внешней твердостью и строгостью линий скрывается мягкость и удивительная сладость.

– А ты – человеком, – презрительно заметил он и накрыл ладонью браслет на моем запястье.

Зачем он его дернул? Еще раз и еще. Гардиан с остервенением пытался снять с меня артефакт, едва не вырывая руку вместе с плечом.

– Что ты делаешь? – возмутилась, понимая, что сон граничит с реальностью. – Мне больно, отпусти!

Дернулась, но мою руку держали крепко. Распахнула глаза и заметила нависших надо мной Грыхарда и кого-то, удивительно похожего на кандидата в императорские гончие. Как показывает опыт, если чья-то морда похожа на морду гончего, то, скорее всего, ему она и принадлежит.

– По какому праву вы ворвались в мою комнату? – взвизгнула и, пользуясь замешательством мужчин, спрятала драгоценную во всех смыслах конечность за спину.

– Ничего личного, Эйри. Ты же знаешь правило: кто платит золотом, тот и папа.

О, этот вечный папа! Папа тот, у кого золото, и кто способен оторвать тебе руки и засунуть в места, о которых приличные леди говорят шепотом и только в уборной.

– Давно ли я перестала быть папой, Грых?

Троль виновато потупил взгляд, потоптался на месте и вздохнул. Для полноты картины не хватало затылок почесать, но с этим и так все ясно. Обратила внимание на гончего. Согласна, этот меня явно перепапил.

– Что здесь происходит? Как представитель закона вы обязаны...

Мужчина усмехнулся и перебил:

– Кто сказал, что я здесь как представитель закона?

– На вас форма! – повысила голос, вызывая к, прости Исконная магия, совести, ответственности, служебному долгу,

наконец, этого альтернативно одаренного индивидуума.

Провела взглядом по черному камзолу с ярко-красными эполетами и золотой нашивкой службы Императорских гончих. Один из тридцати. Точнее, двадцати восьми, потому что Персли и Кейлара я знаю, а этого, увы, нет.

– Раздеться? – мазнув по мне масляным взглядом, спросил блондин.

Обворожительно улыбнулась. Подалась вперед, мягко касаясь ладонями поросшего щетиной подбородка.

– Грых, выйди, дорогой, – проворковала, не отрывая взгляда от голубых глаз императорского гончего. Он млел от моих поглаживаний, попавшись на первый крючок ментального воздействия.

– Эйри... – по-отечески предупредил тролль.

Да знаю я, знаю. За ментальное воздействие на императорского гончего мне могут голову отрезать. Но, если я не сбегу, мне отрежут руку, и тогда я стану инвалидом! Это в лучшем случае!

Мысль о том, что рука – это меньше чем голова, и без руки можно и прожить, пришла слишком поздно. Когда двери за троллем тихонько закрылись, я проворковала, склоняясь к приоткрытым губам гончего:

– Имя.

– Айтон Тарментон.

Сын Великого князя Герберта Тарментона. Давнего недруга отца. Не знаю почему, но я по-прежнему взвешива-

ла возможные последствия своих поступков для родителей.

– Что это за браслет?

– Приказ его высочества Шаэртрасского найти и доставить Шаамни. О большем не знаю, – безропотно вымолвил он, облизнув пересохшие губы.

Я вырисовывала подушечками пальцев круги на его щеках, позволяла ладоням скользнуть дальше, зарыться в копну пшеничных волос, стянутых в хвост на затылке.

– Какого именно высочества?

– Кейлара, – нетерпеливо прошептал Айтон.

Понятненько. Значит, не все потеряно. Если я приду к Кейлару и обо всем расскажу, он наверняка найдет способ снять браслет без членовредительства.

«Не отдавай! Спаси! Не отдавай!» – раздался в голове жалобный голос.

У-у, гадина!

Гадина, а жалко...

Виски заломило от боли. Я обхватила лицо гончего и произнесла:

– Сейчас ты спустишься вниз, выпьешь хмельного, снимешь девочку. Будешь с ней предельно нежным, и щедро заплатишь! – а что, местные девчонки мне не раз помогали, можно сказать, я им задолжала по-женски. – Грыху тоже заплатишь, золотом. А после вернешься к себе и ляжешь спать. Ты не вспомнишь ни мое лицо, ни мой голос, ни мои прикосновения.

Я отшатнулась, когда обжигающая боль стала невыносимой. Смахнула с глаз слезы и пульсаром выскочила из комнаты. В коридоре валялись чьи-то шлепанцы. Уж лучше они, чем изодранные ступни. Обулась и степенно спустилась вниз. Мое внушение абсолютно, и даже у императорских гончих нет к нему иммунитета. Разве что у высших, но я не проверяла.

Грых возился в обеденном зале и, заметив меня, махнул волосатой лапой.

– Ты во что вляпалась, ррых?

– Я не вляпалась. Меня вляпали, – вздохнула, усаживаясь на стул и подвигая к себе кружку с ароматным чаем. Троль с опаской проследил, как с лестницы спускается потрепанный гончий и подходит к нам.

Замерла, стиснув руками деревянную кружу. Должно сработать.

– Мне двух лучших девиц, – растерянно пробормотал гончий. Троль удивленно поднял кустистые брови, глянул на меня, на гончего, снова на меня.

– Конечно, господин. Сейчас оформим. Вы пока поднимайтесь на третий этаж, выбирайте комнату. Девочки скоро придут...

По столешнице покатались золотые монеты. Неровной походкой гончий поплелся к лестнице.

– Что ты с ним сделала, Эйри?

– Поговорила. По душам, – ответила уклончиво, насажи-

вая на вилку кусок омлета. Фырша, жена Грыха, еще и салатик нарезала. Троллиха меня по-матерински любит. По большей части за зелье трезвости, но все равно. – Зла держать не буду, Грых, но ты меня не видел.

– Сама знаешь, какие порядки, – тролль растерянно пожал плечами, за что получил затрещину от жены.

– Вот именно, порядки! Эйри императорского гончего отчухекала! Ты у меня смотри! – пригрозив мужу кулаком, она промурлыкала мне: – кушай, папа, кушай. Вон какая худенькая!

– Угу, – протянула, набивая полный рот.

Всем известно, если тебя откармливают тролли, значит, где-то неподалеку развели костер. Фаршированная человечинка – деликатес для волосатых. Да-да, закон охраняет чело-веков от съедения, но с каждым годом Астория все больше похожа на джунгли, где каждый второй – хищник, а нам, простым смертным, приходится спасаться от всех подряд. Ведь даже куст может оказаться дендроидом и сожрать тебя. Его потом, конечно, накажут. Возможно, даже сожгут, но сильно ли это поможет, когда тебя уже съели?

Быстро подчистив тарелку и опустошив кружку, я поблагодарила троллей, выгребла последний медяк, случайно застрявший между подкладкой и тканью мошны, и пошла на выход. Посвящать Грыха в дальнейшие планы – дело неблагодарное. Да и что мне теперь делать?

Вышла на улицу, подставила лицо ласковому солнцу и

вздохнула.

– Гадина ты, – беззлобно прошептала браслету.

Красивые завитушки приятно обнимали руку и, как ни странно, не мешали. Наоборот, мне показалось, что браслет – часть меня. Глупо, конечно, но...

Может, и не стоит его снимать? Ну, мало ли? От приличных мужчин браслеты не убегают. А тот господин, который хамло подзаборное, хоть и папа, но на приличного совсем не похож. От такого и я бегаю!

В детстве нянечка читала мне сказку про выпечку-оборотня. Как-то раз ведьма на пенсии заскучала. У нее с мужем-оборотнем детей не получилось, и решили они поэкспериментировать. Испекла ведьма человечка, щедро сдобрила маслом и на окошко посадила. Под лунным светом человечек очеловечился. Потянулся, размялся, осмотрел халупу, и решил, что достоин большего. Пока ведьма спит, а оборотень охотится, новоиспеченный, в прямом смысле слова, сделал ноги. Бродил он бродил по лесам, и все его, горемычного, съесть хотели. В итоге сгинул он в недрах желудка кицунэ, невесть откуда взявшейся в тех краях, но не суть. Не хочется и мне закончить в недрах чьего-нибудь желудка. Мораль той сказки такова, что если уж ты бегаешь, то не высовывайся и на льстивые речи всяких красавчиков не ведись. Будь это даже красавчики в эполетах императорской гвардии или тем паче императорских гончих!

– И что мне с тобой делать? – спросила браслет, неспеш-

но переставляя ноги. Куда брела – сама не знаю. Одно ясно: с браслетом за мной будут гоняться все подряд. Это как пройтись по нашему кварталу ночью, позвякивая мошной с золотыми монетами. Можно сказать, это навязчивая просьба получить по голове...

На всякий случай осмотрелась – никого. То есть, никого подозрительного. Местный люд, кутаясь в капюшоны и прикрывая лица шляпами и кепками, передвигались перебежками, вдоль стеночек. Это нормально для местного квартала.

«Спаси, прими, береги», – прошептал браслет.

Как там сказал тот хам, шамани? Эльшмани? Шмани... тьфу.

«Я – Шаамни», – прошептал браслет.

Я затормозила и осмотрелась.

Э, нет! Говорящих браслетов не существует! Всякие артефакты бывают, но чтобы читал мысли и отвечал? Это только разумное существо так умеет. А теперь внимание, вопрос: что за змею я пригрела на груди? Ну, то есть, на руке?

«Опасность! Сохрани!» – предупредил браслет и почему-то я сразу поверила.

Нет, не так. Я почувствовала. А еще – увидела. С улицы резко исчезли люди, а, как известно, быть беде, когда крысы бегут с корабля. Местные обитатели вовсе не крысы, но беду они чуйкой чувствуют, иначе и дня бы здесь не протянули.

По ногам потянуло холодом. От стен отделился черный туман и двинулся в мою сторону. Справа, слева, сзади – ото-

всюду!

Что за бесовщина?!

Я попятилась, но услышала позади злобное рычание. Дернулась в сторону – натолкнулась на призрачную морду черного пса с налитыми кровью глазами. Порождения Нижнего мира! Что, и Темным лордам нужен браслет? Идея остаться без руки перестала казаться идиотской. Тьма принимала облик уродливых псов с узкими длинными мордами, ощерившимися тремя рядами клыков. Красные точки глаз неотрывно следили за каждым моим движением. Под блестящей черной кожей перекачивались бугры мышц. То тут, то там, псы вспарывали мощными когтями мостовую, оставляя в камнях глубокие оплавленные следы. Судорожно вздохнула. Примерно такие следы оставляет ложка, черпающая мягкое масло. Но ведь под ногами не масло, под ногами – камень! А я даже чуть-чуть не камень!

Сглотнула еще раз и взвизгнула, когда справа от меня что-то рывкнуло и гроыхнуло.

Дальше помню смутно. Я закрыла глаза, призвав остатки своей силы, все, что было, все до последней капельки, и ударила. Псы едва шелохнулись, впитав отчаянную волну моей силы, но этого хватило, чтобы рвануть вперед и скрыться за поворотом. Увы, опомнились они слишком быстро. За спиной всюю скрежетали стальные когти, выбивающие искры из мостовой. С этого момента официально перестаю любить животных! Если питомцы такие злобные, то страшно пред-

ставить, каков хозяин!

Последний не заставил себя ждать. За очередным углом меня схватили в охапку и, зажав рот ладонью, с силой вжали в стену. Я дернулась, но когда мимо пронесся табун порождений Нижнего мира, притихла.

Убивать меня собирались не сразу. Точнее...

Папа!

Дважды спаситель мой ненаглядный! И надо же, живой совсем, ни капельки не покалеченный! Прямо как я, и от тех ушел, и от этих ушел, теперь не сгинуть бы в недрах желудка нижних тварей и будет совсем хорошо.

— Я отпущу, если обещаешь не кричать. Рацги реагируют не только на страх и ауру, но и на звук.

Кивнула, не имея ни малейшего желания познакомиться с этими рацгами поближе. Передышка длилась недолго. Не успел Гардиан объяснить, что происходит, как клацанье когтей направилось к нам. Слишком быстро эти темные твари поняли, что бегут не в ту сторону.

— Если я попрошу тебя подождать здесь... — начал мужчина с тяжелым вздохом.

Посмотрела на него честным-честным взглядом и заверила:

— Как скала! Ни сама не сойду, ни сдвинуть себя не дам.

Не поверил. Но рацги отказывались ждать. Толпились перед нами и кидались на невидимую стену, не в силах ее преодолеть.

– Кто ты? – прошептала с изумлением.

Нижние твари это вам не гоблины и не тролли. Да это даже не императорские гончие! Это порождения магии настолько древние и сильные, что даже императору приходится с ними считаться! Единственные, кто хоть что-то может им противопоставить – это Танцующие со смертью. Но Гардиан, по понятным причинам, на них не похож. Не берут в танцующие мужиков. Как говорится, плохому танцору... в общем, нет среди них плохих танцоров, потому что ничего не мешает.

– Жди. Здесь, – с обманчивой мягкостью попросил он и повернулся к тварям.

Те резко поумерили пыл, заскулили, прижали уши к голове и разошлись в стороны, пропуская моего спасителя сквозь защитный барьер.

Первый порыв сбежать пресекла моя совесть. Я же слово дала! Но, как справедливо заметил сам Гардиан – девушке держать слово вовсе не обязательно.

Второй порыв сбежать пресек интерес – уж больно тихо у них там за поворотом. Не договариваются же они в самом деле? Порождения Нижнего мира умеют только две вещи: убивать и отыскивать жертву, чтобы убить. У них нет чувств, усталости, жажды, совести. Все, что мешает выполнять цель – атрофировано. И чем больше я об этом думаю, тем страшнее.

С другой стороны, если Гардиана боятся порождения

Нижнего мира, не будет ли и мне благоразумней покинуть его обманчиво добродушное общество? Ну, скажем, вот прямо сейчас? Кейлара я хотя бы знаю, а этого...

Шаг назад. Другой. Третий.

– Кажется, я просил подождать, – раздалось из-за угла.

Еще один шаг и передо мной, скрестив руки на широкой груди, встал Гардиан.

– Идем.

– С тобой? – усмехнулась, сделав еще один шаг.

Конечно же назад! Там такой миленький переулочек. А за ним, если по лестнице на крышу взобраться, три дома и стена...

– Нет. Спасибо. С тобой я не пойду!

– Скажу только один раз, – устало произнес он. – Шаамни разыскивают все наемники Гардии и, как видишь, Нижнего мира. Это крайне редкий и невероятно дорогой артефакт. В отличие от меня они не знают, что снять его надо с живого тела, иначе артефакт потеряет силу. Шансы выжить без меня у тебя нулевые. Со мной большее, что ты потеряешь – руку.

И самоуважение.

И, может быть, честь. Хотя... с потерей чести еще можно как-то смириться, конечно.

Тряхнула головой, отгоняя явно не свои мысли. И перестать кусать губу! И смотреть на него, как собака на кусок мяса!

Хлопнула ресницами, размышляя, насколько сильно до-

рожу рукой. По всему выходило, что очень.

– Дело твое, – отрезал Гардиан и... шагнул за угол.

Шаг, другой, третий. Тишина.

Страшно. Ведь и правда – все наемники Гардии. Даже Грых, смертопыря ему под подушку, предал, зараза! Выглянула из-за угла и заметила спину стремительно удаляющегося мужчины. И шел он по аллее из покорно восседающих псов. А вот на меня они бросали плотоядные взгляды.

– Эй, мужик! – окликнула, вжимаясь в холодный камень стены.

Гардиан замер и опасно медленно развернулся.

– Кто?

– Му...

Осеклась, от чистого сердца желая добавить «дак».

– Кто-кто? – вкрадчиво переспросил он.

– Господин?

Вместо ответа мне протянули руку. Собрав в кулак волю, я вприпрыжку добежала до спасителя и, оттолкнув руку, прижалась к его сильной и горячей груди.

– Ты только пообещай, что со мной ничего плохого не случится? – прошептала, с опаской поглядывая на псов. Сердце Гардиана стучало громко и уверенно. Мне даже не требовался ответ. В кольцо его рук я чувствовала себя в безопасности, даже окруженная уродливыми псами, только ждущими момента, чтобы напасть и стянуть мясо с моих хрупких косточек.

Мужчина усмехнулся, покровительственно прижимая меня к своей груди.

– Не могу дать такого обещания. Но обещаю, что останешься жить.

Забыл добавить, что инвалидом. Ну ладно, инвалидам хотя бы пособие платят...

– Идем, – короткий приказ, противиться которому в этот раз не стала.

Гардиан все же взял меня за руку и повел прочь от псов с их хозяевами. Да, угораздило меня обернуться, чтобы увидеть три фигуры, которые до конца жизни будут являться мне в страшных снах. Окутанные тьмой, распускающей когтистые щупальца, они неотрывно следили за мной красными точками глаз из-под наглухо задвинутых капюшонов. И только твердые пальцы Гардиана и его уверенный шаг не давали сорваться на бег или свалиться в позорный обморок. Аркхарган я или трепетная лань? Вскинула подбородок и подстроилась под быстрый шаг, не желая быть жертвой.

Я не была ею в шестнадцать лет, не буду и сейчас.

– Кто это был? – спросила, когда вернулся дар речи.

– Триада, – коротко бросил мужчина и остановился, потому что мне отказали ноги. Сложно идти, когда твоя ноша застыла окаменевшей горгульей.

– Три... – прокашлялась и продолжила чуть слышно: – Триада? Та самая Триада?!

В Нижнем мире иерархия простая, как три медяка. Есть

Темный Бог, подчинивший темную материю. Ему настолько фиолетово до нас, смертных, что он спихнул всю черную работу на главгадов. Пакостями и гадостями заведуют три герцога нижнего мира: Триада. Ею пугают непослушных детей, о ней на уроках мироустройства рассказывают шепотом и даже сильнейшие магистры и архимаги стараются избегать встреч с этими созданиями. Они нечастые гости наших мест, ведь не барское это дело, за людишками гоняться. Этим занимаются огненные лорды, а у тех тучева куча своих бесят на побегушках. Так вот вопрос, зачем герцоги нижнего мира, да еще и в полном составе, пожаловали в средний мир?! И кто, Исконная магия меня подери, мой Гардиан, если напугал даже Триаду?

Вместо ответа – напряженное молчание.

– Что ты им сделал?! – спросила фальцетом.

– Не я, – показалось, в глазах собеседника проскользнули коварные огоньки. – Ты.

Его взгляд стек по моей руке и остановился на браслете, но только на короткий миг. А потом снова быстрый шаг и впереди замаячила проходная заградительной стены.

– Я? – истеричный смешок. И ведь правда, гнались они за мной. Точнее, за штукой на моем запястье. – Я в своей жизни и мухи не обидела!

– Зато обидела кучу троллей и гоблинов.

– Заслужили, – отмахнулась в ответ. Нашел, кого жалеть!

– Жила себе, тише воды, ниже травы, пока эта штука не взду-

мала на меня взгромоздиться.

– Я бы на твоём месте не называл Шаамни штукой, – предупредил мой защитник, показывая страже корочку с... не успела разглядеть! Но, судя по вытянувшимся и побледневшим лицам служак, в бордовом документике написано что-то устрашающее.

– И то верно. Какая она штука? Гадина. Самая что ни на есть подлая гадина! – припечтала, когда мы вышли в человеческую часть Астории. Это как выйти из тьмы на свет. Сначала шуришься и некомфортно, а потом понимаешь, что и не жил раньше.

Гардиан остановился и, заприметив скучающего неподалеку извозчика, направился к нему, волоча меня за собой.

– Помыть бы тебе рот с мылом! Для твоего же благополучия. С Шаамни недопустимо общаться в таком тоне!

– Ты тоже ее слышишь? – спросила с надеждой.

– Ты слышишь Шаамни? – проникновенно спросил он.

И так мне его тон не понравился, что выпалила, и глазом не моргнув:

– Не-ет. Не слышу.

– Шаамни, не смей, поняла! – прорычал Гардиан, стискивая мои пальцы почти до боли.

«Уже посмела!», – ответил браслет и гаденько рассмеялся.

– А что она уже посмела? – поинтересовалась, и прикусила язык.

Гардиан остановился в метре от извозчика, развернулся ко мне и склонил голову на бок.

– Не слышишь, значит?

Мотнула головой и похлопала честными-пречестными глазами. То есть, ресницами, конечно же, но взгляд при этом был такой, что не поверить стыдно. Столько раскаяния, столько искренности, столько актерской игры! В общем, отыграла шедеврально, а сама поглядывала, в какую бы сторону слинять. Вариант с Кейларом казался более привлекательным. Мне эти тайны Морорского двора ни к чему. Кейлар напрямую расскажет все, что знает. Чаем напоит, к сердцу прижмет, успокоит. Не то, что этот троглодит пещерный! Ведь даже имени своего не назвал!

И стоило мне подумать о побеге, как браслет на запястье нагрелся, разжижился и скользнул по пальцам. Рано я обрадовалась. Тонкая змейка превратилась в цепочку, юркнула к браслету Гардиана и впиалась в него мертвенной хваткой. Все произошло так быстро, что он не успел отпрянуть. Отшвырнул мою руку, но поздно. Браслеты превратились в наручники.

– Это еще что за бесовщина?! Отпусти меня, немедленно! – дернула рукой, но короткая цепочка коварно звякнула в ответ.

В меня впился хищный потемневший взгляд:

– Снова думала о побеге? Поздравляю! Из всех тупых девиц Нории мне попалась самая тупая!

Я со всего размаху ударила нахала кулаком в плечо. Взы-
ла, потирая ушибленные костяшки, и в отместку ударила ко-
леном в бедро.

– Закончила убиваться? – нервно переспросил он.

Кивнула, потирая ушибленную конечность, и насупилась.
О такого и впрямь убиться легче, чем побить. Мышцы на
мышцах и мышцами погоняют!

Гардиан что-то скомандовал извозчику, а потом в бук-
вальном смысле впихнул меня в карету. Я влетела в нее впе-
ред головой и не упала только потому, что волшебные путы
привязали меня к самому несносному существу Нории.

Мы одновременно сели на противоположные диваны и
цепь недовольно звякнула. Сидеть с вытянутой рукой то еще
удовольствие, поэтому мы поднялись, поменялись дивана-
ми, и снова звякнула цепь.

Стиснув зубы, Гардиан похлопал ладонью по бархатному
сиденью рядом с собой. Карета покачнулась и тронулась с
места. Зацокали лошадиные копыта, чуть заскрипели дере-
вянные колеса, подскакивая на крупных булыжниках мосто-
вой.

Сузила глаза и отзеркалила жест нахала. Я что, собачонка,
прыгать к нему по первому зову? Пусть сам пересаживается.

Мы с вызовом смотрели друг на друга. Никто не желал
уступать. Вытянутая рука затекла и постанывала.

Да, чтоб тебя!

Вздернула подбородок и перебралась на противополож-

ное сиденье исключительно из инстинкта самосохранения и собственного удобства.

— А они за нами не погонятся? — поерзала на месте, выглядывая в окошко.

— Ты о Триаде, императорских гончих, гоблинах-мафиози или ком-то еще?

А кто-то у нас юморист, как посмотрю!

— Обо всех!

— Конечно, погонятся, — скучающе ответил он, и перевел взгляд за окно.

Я напряженно всматривалась в спокойное лицо мужчины, а потом махнула рукой. Все равно он не раскроет своих тайн. Вдохнула и глянула в окно, чтобы вульгарно открыть рот. Наша карета, а я хорошо ее запомнила, потому что с одной стороны украшена белоснежными лентами с цветами, а на другой стороне цветы отпали, направилась в противоположную сторону. Но и того мало! Из той кареты отделилась еще одна такая же и, описав дугу, развернулась в противоположном направлении. Кареты продолжали делиться и множиться, пока мы не повернули за угол. Понять, в какой из них мы, невозможно, если только ты не архимаг.

— Это же... это... Кто ты? — воскликнула с ужасом.

Верховный демон? Эльф? Темный эльф? Исконная магия, только бы не вампир?! Верховные у них могут такие иллюзии накладывать, что поверишь во что угодно! Или огненный лорд?

Разумеется, гад таинственный промолчал. Гардиан свои тайны хранил пуще, чем девица легкого поведения список клиентов.

– Лучше спроси, как нам избавиться от этого! – он поднял руку и вслед за ней поднялась моя. Цепочка длиной от силы в две ладони не оставляла личного пространства.

О, Исконная магия! А, если мне захочется в туалет?

Глянула на Гардиана и побледнела. А, если захочется ему?

– Не стану спрашивать, о чем ты думаешь, – усмехнулся он.

– Будто ты об этом не думаешь!

– Я думаю о том, как убедить Шаамни, что ты не станешь сбегать. Не удивительно, что она тебе не доверяет.

– А мне это доверие нужно? Пусть скатится с меня на все четыре стороны! Ну, Шаамни! Слезай! Ты мне не нужна! Брысь отсюда!

«Много ты знаешь, что тебе нужно, соплячка!»

– Да ты... да как... хамка!

– Запущенный случай, – тяжело выдохнул мой спутник и отвернулся.

Некоторое время я сверлила взглядом его красивое лицо, а потом бросила это занятие и посмотрела в окно, за которым открывались живописные виды: цветущие клумбы, яркие вывески, веселые лица разряженных дам. Изредка мимо проезжали богато украшенные кареты, запряженные четверкой лошадей, как напоминание о моей прежней жизни.

Но чаще по улицам скользили ландо, запряженные одной хилой кобылкой. Такое средство передвижения могут позволить себе многие. Нет-нет, ездили пассажирские повозки на восемь или десять человек. Но чем ближе мы подбирались к центру, тем меньше их становилось. В первый квартал такие неудобоваримые и непривлекательные средства передвижения не пускают.

Я украдкой разглядывала волевым профилем своего спутника. Он был так спокоен и расслаблен, что я невольно позавидовала. Откинулся на спинку диванчика, закинул ногу на ногу. Облокотился о диванчик, ладонью подпирал подбородок, а вторая рука, та, что в наручнике-браслете, спокойно лежала рядом с моей. Время от времени от тряски наши пальцы соприкасались, и меня словно било магическим разрядом. Неожиданно приятное и странное ощущение. Мне хотелось накрыть его ладонь своей и...

Тряхнула головой, когда в очередной раз по телу пробежала странная бархатная волна. Это магия! Всего лишь непонятная магия.

А вот моему спутнику до этих вспышек не было дела. Судя по его лицу, лишенному морщин, он не особо напрягается в жизни. Конечно, с чего бы, если даже Триада вежливо расступается в стороны перед господином Гардианом? Разорвись перед его носом магическая бомба, да хоть упади дракон, он от силы нахмурится, фыркнет, и вернет привычное отстраненное выражение.

Не выдержала, и со всей силы ущипнула его в бедро.

– Что ты делаешь? – раздраженно спросил он, приподняв бровь.

Один... два... три...

Угадала! Через три секунды бровь опустилась на место, а раздражение сменилось спокойствием. Мне даже показалось, словно в полумраке кареты его зрачки из круглых на мгновение стали острыми, вертикальными, как тогда, у Лихарда, но быстро приняли прежнюю форму.

Вот это железобетонная поддержка! А, если пнуть его хо-рошенько? Хотя, пожалуй, не стану. Костяшки до сих пор болят.

– Куда мы направляемся? К твоей матери, я поняла, но куда географически? Седьмой, девятый, первый квартал?

– Мы поедem ко мне, – снисходительно ответил он, разглядывая девицу за окном с таким видом, словно смотрел на фонарь. Девица усиленно хлопала ресницами и махала ве-ером, вероятно, пытаясь обаять моего спутника. Но проще обаять дерево, чем его.

– Мог бы ей улыбнуться, – буркнула из женской солидарности.

Поняв, что на ее заигрывания не отвечают, девица пере-вела взгляд в другую сторону. Наша карета как раз остано-вилась, пропуская экипаж с императорским гербом. Народ с восторгом глазел на богато украшенную карету, не догады-ваясь, что внутри, за плотными бархатными шторами, могут

оказаться вовсе не члены правящей семьи, а, к примеру, императорский библиотечарь или мешки с мукой.

– Такой большой, а живешь с мамой? – спросила, когда императорская карета уехала, и мы продолжили путь. – Впрочем, я тебя понимаю. С современными ценами на недвижимость, далеко не каждый мужчина может себе позволить дом. Но снять квартиру ты мог. Судя по одежде, ты не сильно стеснен в средствах. Запонки, например, явно из...

– Ты можешь зат... помолчать?

Первоначально планировалось другое слово, но кое-кто у нас мастер выдержки и самоконтроля! Ничего. И не таких до белого каления доводили.

– Из-за тебя моя жизнь летит дракону под хвост, и ты полагаешь, что я буду заботиться о твоём комфорте? Этого мало? – я звякнула наручниками и положила руку себе на колени. Давно хотела это сделать, но не решалась, ведь в довесок к ней идет рука Гардиана! Он попытался вернуть свою ладонь на прежнее место, но я так грозно зыркнула, что мужчина уступил. – Не дожدهшься!

– Забавно, что ты выбрала такое сравнение.

– Какое сравнение? – он промолчал. Ну, очешуешь. То есть, оволосеть, конечно же. – Неважно. Из-за тебя я не вышла на работу и, наверняка, потеряла место. Ты хотя бы примерно себе представляешь, как сложно в нашем квартале найти достойную работу?

– Ты называешь это достойной работой? – усмехнулся он.

Врежу! Даже сжала кулак и подняла, но передумала. Костяшки все еще ныли.

– Так привыкла решать проблемы? – одним взглядом мне поставили нокаут. Опустила кулак и выдохнула. Расстановка сил не в мою пользу.

– В нашем квартале право сильного. Не уверена, что помню, как можно по-другому, – произнесла, неожиданно предавшись меланхолии.

Я скучала. Вопреки всему, получив свободу от родительской опеки и вечной боли, я скучала по прежней жизни. По возможности быть слабой. Порой хочется, чтобы кто-нибудь решил мои проблемы, а мне бы не приходилось задирать юбки, чтобы убежать или махать кулаками, чтобы отстоять свое право жить в квартале прокаженных. Раньше гневно шелкнешь веером, и все бледнеют, рты прикрывают, сливаются с обоями и утекают из комнаты – госпожа гневается. А сейчас надо этим веером по морде нахалу надавать, и то не факт, что поймет.

Прокашлявшись, я задвинула эмоции.

– Предлагаю обсудить вопрос компенсации моей заработной платы! Учитывая, что снять браслет можно только с живого тела, тебе придется со мной считаться.

Он закатил глаза.

– Начинает казаться, что некоторые древние артефакты себя изжили. Возможно, Шаамни уже не так важна, как прежде.

«Цену набивает!»

Я коварно улыбнулась, используя знания Шаамни.

– А теперь я требую плату еще и за доставленные неудобства! – подняла руку, в довесок к которой шла широкая ладонь Гардиана. Между прочим, она тоже лежала на моих коленях. – И за поруганную честь, – добавила, разглядывая его пальцы.

Коротко стриженные ногти, никаких мозолей или царапин, удивительно мягкая ухоженная кожа. На безымянном пальце перстень с квадратным сапфиром под цвет чешуи на запястье. Мягкие небольшие чешуйки плотно облегают кожу и напоминают змею, спящую браслетом на его руке.

– Надеюсь, это не заразно?

– Спросила женщина из квартала прокаженных. Точнее, конечно же, девушка.

И взгляд такой иронично-проникновенный, что аж до мурашек. Поражает, как некоторые способны взглядом сказать больше, чем словами. А еще у некоторых вместо языка стilet!

– Сомнения? Ты у нас что, чресловед по специальности?

– По призванию, – бросил он, мазнув по мне оценивающим взглядом. – Трех тысяч золотых хватит?

Я подавилась воздухом, уже и позабыв про финансовый вопрос. За три тысячи золотых пусть и руку отрубает, чего уж там, и вопросы глупые задает, и гадости говорит, и ведет себя как чурбан отмороженный, и вообще. Согласная я,

очень даже, где подписать?

Состроив недовольную физиономию, я выдохнула и небрежно бросила:

– Так и быть. Можно сказать, помогу почти что даром, по доброте душевной.

Он усмехнулся, а через какое-то время тишину прошили ироничные нотки красивого мужского голоса.

– Невинность? Серьезно?

Смотрю, кто-то никак не уgomонится.

– Гоблины берут особую плату за особые услуги.

Собеседник приподнял бровь. Три секунды, бровь вернулась на место, а отблеск интереса в его глазах пропал. Я усмехнулась. Что не так с этим недочеловеком?

– Они достали перо дивноптицы для зелья. У меня ни возможности, ни способностей, ни опыта отслеживания добычи. Тем более, такой редкой и опасной. Выбора не было.

– Почему невинность?

– Если гoblin забирает девственность ведьмы, отданную добровольно, к нему переходит и ведьминская сила.

– Но ты не ведьма.

– Но они-то об этом не знают.

– Никогда не видел ведьмаков среди гоблинов, – усомнился Гардиан.

– А ведьм, готовых добровольно отдать гоблину невинность?

Гардиан хмыкнул. В квартале многие считают, что я ведь-

ма, и это к лучшему. Ведьмы не запрещены законом и их побаиваются – за ними клан, ковен и все такое, а вот менталисты...

– Не отдаешь долги, врешь, ругаешься как тролль-наемник. Вот уж повезло... – Гардиан провел ладонью по лицу и посмотрел на меня. – И как ты собралась расплачиваться, не имея нужного? Они поверили тебе на слово?

– Я девица!

Усмехнулся, скептик недоделанный! И взгляд свой невинный в окно направил, мол «ну-ну», сделаю вид, что поверил, ведь я слишком хорошо воспитан, чтобы продолжать щекотливую тему.

– Так ты не просто чресловед, но еще и экстрасенс? – прорычала, дернув рукой в наручниках. Гардиан поморщился, но даже не повернулся. – Ставишь диагноз, не поднимая юбок?

– Я и забыл, с кем связался.

– И с кем же?

Медленный взгляд прошелся от моей макушки до кончиков... чужих сланец. Я смущенно поправила подол, но это мало помогло.

– С отбросом общества.

Отец бы пришел в восторг от такой характеристики. Как-никак, в нас одна кровь.

И почему я не умею убивать взглядом? Может, попробовать? Расплавлю ему мозг, например. Если, конечно, там

есть, что плавить. Кто в здравом уме говорит такие вещи де-вушке, которая носит на себе, как выяснилось, древний артефакт?

– Молчишь? Удивительно. Одолжить перчатку? – галантно предложил мужчина. К слову, перчаток при нем не было.

– Зачем?

– Швырнешь мне в лицо. Ты ведь так привыкла решать проблемы, оскорбленная невинность, – слова его звучали жестко. – В этом мире у каждого свое место. И такие как ты должны его знать.

Такие, как я?

Такие, как я!

Глаза защипало от слез. Грудь сдавило так, словно на нее положили гранитную плиту. Да что ты знаешь обо мне и моей жизни, змея облезлая?! Мне столько хотелось сказать, столько наговорить! О, отборные тролли ругательства прямо-таки жгли язык, желая поскорее сорваться с него и ударить по ушам собеседника, но...

Такие, как я не имеют права открыто выражать эмоции.

Такие, как я владеют собой настолько безукоризненно, что написай на их туфли собака, по лицу даже тень возмущения не пробежит.

Такие, как я – пример для подражания и восхищения.

Посмотрела на свои руки, покрытые старыми мозолями, с несмываемой грязью под ногтями, с пятнами загара. Не говорю уже про платье, постаревшее от стирок настолько, что

даже штопки не помогают. Бахрома по подолу местами изнасилась до дыр, местами оторвалась.

Но пора вспомнить, кто я по рождению, а не по обстоятельствам. Леди должна оставаться леди, даже если она с ног до головы покрыта грязью.

По рождению я Аркхарган. И этот напыщенный самец бабуина еще знатно удивится!

Закрыла глаза, вдохнула, выдохнула и произнесла с поразительным спокойствием, достойным представительницы своего рода (отец бы мной гордился!):

– Правда у каждого своя.

– Так говорят обиженные жизнью, не желающие принимать положение вещей. Это жалкие оправдания, – цинично ответил он. – Не ищи их для себя.

Правильно говорят, с кем поведешься, от того и наберешься. С троллем жить по-тролльи арха кырхырдык берминить!

Но рядом нет троллей, хотя в родословной этого остроязычного индивидуума наверняка потоптались волосатые пьянчуги, да еще с особым цинизмом и коварством! Мне с новой силой затосковалось по прежним временам, когда окружающие мужчины целовали ручку, боялись обидеть словом или взглядом, пущенным под неправильным углом.

Я горько улыбнулась, проглатывая обиду. Ох, как же тяжело давались прежние реакции! В квартале отверженных я бы могла треснуть его в лоб, плюнуть в лицо, оттоптать

ногу, завалить трехэтажным троллным сленгом. Но Гардиана это только повеселит. Он такой реакции и ждет, чтобы вновь указать мне на мое место.

Но оно не там. Не за стеной. Оно здесь. По праву рождения. А, значит в моем распоряжении только острый язык.

– Реагировать на провокацию, единственная цель которой уязвить самолюбие собеседника – выше моего достоинства. И знаете что? Обидеть может лишь тот, кто что-то значит в вашей жизни. А вы значите в ней меньше, чем обивка дивана в этой карете. Глупо на нее обижаться за то, что она не соответствует моим ожиданиям.

Гардиан посмотрел на меня с неподдельным изумлением. Мне казалось, словно на его скулах проступили сапфировые чешуйки. Мелкие, почти незаметные. И, если бы не солнечные лучи, играющие сапфировыми бликами на его щеках, я бы их не разглядела.

– Прошу прощения, – коротко произнес он и отвел взгляд.

Не каждый мужчина способен извиниться. Может, я и выросла в глазах Гардиана, но, что греха таить, в моих он тоже на пару пальцев подтянулся.

Да-да, и теперь достает мне примерно до пупка.

– Я не врал ни гоблинам, ни троллям. Я просто не стала их переубеждать. И вообще, может я ведьма, об этом ты не думал?

– Твои ментальные фокусы – детский сад. Ты можешь об-

мануть ими троллей, но не меня.

– И, тем не менее, ты меня упустил! – заявила самодовольно. Да, где-то внутри теплел огонек гордости за свои быстрые ноги.

– Я тебя отпустил, – он выделил последнее слово. – Жозефина и Лихард в тот момент были гораздо важнее. Это разные вещи.

– Так ты...

Карету дернуло в сторону, качнуло, а потом лошади понесли, стремительно набирая скорость. На улице завизжали люди, едва успевая отскакивать из-под копыт лошадей. Карета подсакивала и кренилась, грозя вот-вот завалиться на бок. Мы свернули с дороги и понеслись по клумбам, тротуарам, не разбирая дороги.

Меня вжало в спутника и, честно признаться, я вцепилась в его камзол, чтобы не летать по карете воздушным змеем.

– Ты же сотворил сильную магию! Как они нас нашли? – взвизгнула, пытаясь унять панику.

Колесо опасно хрустнуло, карету качнуло, и меня отшвырнуло от Гардиана неведомой силой. Она больно ударила по лодыжкам, свила вокруг них тугое кольцо и дернула наружу. Все это произошло за один короткий миг. Вот дверца кареты ударяется в дерево и осыпается щепками и меня несет прямо в это облако.

– Гардиа-ан!!! – вскрикнула, пытаясь за него ухватиться. Взмах ресниц, и я сию на диване в пустой карете. Одна!

И цепь нас больше не связывает...

– Гардиан?! Ты где?

Хотела приподняться и выглянуть в переднее окно, но колесо ударилось о новую кочку и не выдержало. С громким треском карета посыпалась, заваливаясь на бок. Все, что успела – вжаться в диван и завизжать.

«Ну ты и шумная девица!» – раздался в голове раздраженный голос. – «Панику из ничего развела».

Между тем «ничего» превратилось в полный конец. Карета завалилась на бок, и меня швырнуло на землю. Крепко приложившись головой о камень, я провалилась в блаженное забытие.

– Фр-рейя!!! – прорычал кто-то.

Моя голова напоминала разбитый глиняный горшок. Казалось, осколки моей черепушки разбросаны по разным концам комнаты, и только каким-то чудом я слышу. Хотя, слышу – сильно сказано. Голоса рассыпались сухими горошинами по окраине сознания, вызывая жгучую головную боль. Попытка открыть глаза с треском проваливалась. Точнее, проваливалась со звездочками в глазах, фейерверками и размытыми пятнами.

– Я против! – громыхнул женский голос.

– Не помню, чтобы спрашивал твоего согласия. Она моя. И точка.

– Твоя кто? Новая игрушка? – хищные нотки в незнако-

мом голосе шевельнули потаенные уголки моей души. Те самые уголки, что отвечают за инстинкт самосохранения.

Шевельнула пальцами на ногах, попробовала потянуться, приоткрыть глаза. Тело повиновалось неохотно, будто меня превратили в тряпичную куклу и набили ватой. В голове творилось безобразие: мало того, что звенело на противной ноге, так еще и трещало. Накатила тошнота, намекая, что ко мне, возможно, применяли заклинание, влияющее на сознание.

– Ashr’as! – злобно прорычал Гардиан.

Наконец, голоса обрели узнаваемое звучание, а я, тем временем, сгребла себя в охапку и с трудом перевалилась на бок. Прогресс!

Веки, словно вымазанные клеем, едва поднимались, но тут же снова захлопывались. С третьей попытки разглядела очертания гостиной: богатой, просторной и мрачной.

– O teka l’ey? As ty remos!!!

От властного голоса девицы все внутри сжалось. Если моего Гардиана уважает сама Триада, то кто же эта стерлядь, то есть, прошу прощения, леди?

Впрочем, куда интереснее: где выход? Мне туда надо. Если понадобится – поползу, я не гордая.

Когда раздался грохот, не сразу поняла, что это мой. Я свалилась с кровати и как беспомощный жучок, перевернувшийся на спину, предавалась отчаянию, разве что лапками не дрыгала – не могла! И встать не могла! И повернуться не

могла! И согнуться не могла тоже! Ы-ый!

– Ты хотя бы пять минут можешь полежать спокойно?

Меня, как в любовном романе, бережно взяли на руки и уложили на мягкую кровать. А дальше жаркий поцелуй и постельная сцена? Стоп. Это уже другой роман.

– Я применю заклинание глубокого сна, – огорошил дракон. – Не препятствуй. Для твоего же блага.

Только не заклинание глубок...

Следующее пробуждение не описать приличными словами. Для начала, не применяйте к медиумам заклинания сна. «Для вашего же блага» (с) Гардиан! Скажем так, у нас на них аллергия. А, если уж угораздило применить заклинание глубокого сна, то тут вы сами виноваты.

– Я не знал... – оправдался Гардиан, когда меня в пятый раз стошнило.

Хотела ответить, что мне от этого не легче, но помешал очередной позыв. Удерживая мои волосы, мужчина терпеливо ждал, пока я... ну, скажем так, закончу, что ли. Испорченные ботинки – малая компенсация за мои страдания. Я жажду крови! И пусть благодарит, что я ему лицо не испортила! Пока что.

Головная боль, тошнота, изменение вкуса, зрения и даже восприятия, внезапные приступы сна – малая часть последствий чужого вмешательства в сознание медиума.

– Ты... – прохрипела, глотая урывками воздух между

спазмами. – Не... не... ненавиж...

– Очень наглядно, я уничтожен, – иронично заметил этот гад непарнокопытный. Нашел тоже повод для шуточек! – Ты закончила?

– Убью! – прохрипела, упираясь трясущимися руками об унитаз.

– Сначала прими душ, поешь, а потом убивай...

Меня снова вывернуло, причем незапланированно.

– Согласен. С едой повременим, но душ, все же, примешь. Я терпелив, но не настолько, чтобы...

– Чтобы что? – прорычала, отчаянно дергая за ниточку и смывая следы своего позора.

Не существует слов, способных передать всю степень моего стыда! Ни один мужчина мира не видел меня в таком состоянии. В детстве, когда отец в наказание за шалость впервые применил ко мне заклинание глубокого сна, последствия разгребали нянечки, гувернантки и сестра. В этот раз я бы справилась самостоятельно, но упертый Гардиан отказался оставлять меня одну, словно я способна сбежать с его бесценным сокровищем вот так! Да он бы элементарно нашел меня по дороге из... в общем, нашел бы, однозначно.

Вместо ответа меня снова подхватили на руки, да так, словно я не обнималась с унитазом последние полчаса.

– Душ и в путь. У нас мало времени.

– Так не терпится получить свое сокровище?

Голые ступни коснулись холодного мрамора.

– Или отделаться от приложения к нему?

Вместо ответа на меня хлынула вода. Я взвизгнула и, вцепившись в отвороты рубашки Гардиана, дернула его на себя. Струи горячей воды хлынули по нам яростными потоками, заполняя просторную ванную комнату клубами пара. Одежда промокла и потяжелела, волосы облепили лицо и шею, а мы стояли в странном оцепенении и смотрели друг на друга, как в первый раз. Кстати, в первый раз меня тоже вжимали в стенку, но... не так!

Опасный, воинственный, грубоватый и нелюдимый Гардиан, даже промокнувший до ниточки выглядел величественно и с достоинством. Вода ласкала его суровое лицо, стекала по широкой груди и с грохотом шлепалась на мраморный пол. А вот я, сырая и продрогшая до нитки, вряд ли вызывала какие-то чувства, кроме жалости.

– Ты дрожишь?

– Меня от тебя тошнит. Ты же это понял?

– Мне кажется, здесь дело в другом, – самоуверенно заявил он.

– Один идиот додумался применить к медиуму заклинание принудительного сна!

Стук зубов съел половину слов, но меня и так поняли.

– Если бы ты умела слушаться, мне бы не пришлось его применять!

– Я что, похожа на собаку? К тому же, кто ты, дядя? Я вижу тебя третий раз в жизни! С какой стати мне выполнять

команды незнакомца, который...

– Несколько раз спас твою жизнь?

Разговор зашел куда-то не туда. Обхватив себя за плечи, я тряслась от холода, стоя под горячими струями. Надо мной нависало, не побоюсь этого слова, чудовище, и гневно сверлило меня такими страшными глазами, что зубы стучали еще сильнее, рискуя раскрошиться от старательности.

– Выйди, мне нужно привести себя в порядок.

Секунда, другая, третья... Щелчок. Душевую кабину заполнил аромат ванили и миндаля.

– Что ты...

Вопрос отпал, когда за мои волосы профессионально взялись. Гардиан щедро сдобрил их шампунем и так ловко массировал мою голову, что возражение крутилось на языке, но так и не решилось сорваться. Во-первых – приятно же! А во-вторых, и в-первых более чем достаточно! Пусть это будет компенсацией за доставленные неудобства после пробуждения. Зажмурилась, наслаждаясь нежными прикосновениями и теплом, стекающим с кончиков мужских пальцев и льющимся по телу. Холод отступил так решительно, что я быстро пришла в себя.

– Спасибо, но я в состоянии помыть волосы, – фыркнула, дождавшись, пока он закончит. Надо же как-то выразить свое «фи», даже если оно на деле «ми-ми-ми».

– Учту.

Меня развернули лицом к стене, и проворные пальцы при-

нялись за крючки на платье.

– Эй! А вот это уже беспредел! Я могу...

– Имел удовольствие ознакомиться с широким списком твоих умений, – резко заметил Гардиан, едва ли не срывая с меня липнущую к телу одежду.

– Гардиан, прекрати! – вскрикнула, когда верхнее платье упало к моим ногам грудой старого тряпья.

Он остановился. Нижнее платье полностью вымокло и облепило мое тело, не оставляя и малейшего простора для фантазии. Чего уж там фантазировать, когда и так все видно? Этот мужчина меньше суток в моей жизни, а позора я с ним натерпелась больше, чем за все годы, начиная с горшечного периода! А в то время мне, откровенно говоря, гордиться нечем. Я делала все, что запрещали: кидалась едой, разбрасывала игрушки, капризничала, рисовала на обоях и даже фамильных портретах (моей прапрапрабабушке удивительно идут усы, я до сих пор так считаю!).

– Кто тебе назвал это имя?

– Выйди! Во имя Исконной магии, этикета, мужского и женского достоинства, или что там для тебя имеет значение, кроме собственной важности – выйди! – прошептала, сдвигая слезы.

– Шаамни освободила нас из-за угрозы жизни. Если попробуешь сбежать, цепь снова...

Развернулась и со всей силы ударила этого бессовестного чурбана ладонями в грудь.

– Похоже, что я собираюсь сбежать?! – крикнула, вздернув подбородок, потому что иначе в его наглое лицо не взглянуть. – С момента нашего знакомства ты оскорбил и унизил меня, как только мог! И словом, и делом! Я уже поняла, что эта ненавистная штуковина тебе дороже всего на свете, и пока она на мне, ни ты, ни твои враги не оставят меня в покое. Уйди! Уйди, иначе я за себя не ручаюсь!

Хотела снова ударить этого гада, но поскользнулась на мыльном полу и впечаталась щекой в его грудь, крепко обхватив руками за бедра.

– Да чтоб меня! – выругалась и отшатнулась, снова теряя равновесие. Проявлять темпераментность в помещении метр на метр, залитом пеной и водой – задача не из легких. Меня сгребли в охапку и крепко обняли.

– Уйди! – прошипела, пытаясь вырваться.

– Ты себя покалечишь. Уймись! Я не увижу ничего нового. Как показывает практика, гораздо...

– Я тебе сейчас покажу практику! – взвизгнула и хорошенько укусила Гардиана в плечо.

– Ты совсем ненормальная?

Незнакомец в душе пытается раздеть меня догола, а ненормальная я? Этот мир совсем лишился адекватных мужчин?

– Выйди! – из моей груди вырвался рык, полный свинца и решимости.

Виски заломило от боли. Ментальная волна, готовая раз-

нести дорогой асторийский мрамор на кучу разноцветных песчинок, набирала силу. Я сжала кулаки до боли, пытаюсь ее обуздать, но не из великой любви к сырому Гардиану (его хотелось безжалостно прибить), а из сострадания к ни в чем неповинной мебели.

Моего лба коснулась широкая ладонь, мазнула по виску и боль как рукой сняло. В буквальном смысле слова. Гардиан вышел, закрыв двери душевой кабины, а моя ментальная ярость растворилась.

Но...

– Это же невозможно! – прошептала ошарашенно, едва устояв на ногах.

«Я знаю точно, невозможное возможно-о-о...» – прозвенел в голове незатейливый мотив народной песни про любовь тролля к выпивке и женщинам легкого поведения в исполнении древнего артефакта.

– И все равно, это невозможно! Ментальная магия – самая сильная магия в мире. Ее невозможно разрушить или снять! Ей нельзя противостоять. Ее нельзя нейтрализовать. Поэтому нас так боятся, – повторяла заученные прописные истины.

«Не поэтому. Мойся давай, мы выбиваемся из графика!»

Из какого графика мы выбиваемся, мне не уточнили. На дальнейшие вопросы – не отвечали. По какому принципу работает артефакт, я так и не разгадала. То в ней просыпается желание поболтать, то сколько ни зови – делает вид, что не

слышит. Грешным делом, заподозрила у себя отголоски деменции. Говорящий артефакт? Ну, не бывает же таких. Тем более, чтобы понимал человеческую речь и мысли, и мог отвечать. Такое доступно только живому существу, наделенному сознанием. А у браслета нет мозгов.

«Это у тебя нет мозгов!», – выругался артефакт и снова замолчал.

Обижаться на украшение не стала. Я приняла решение какое-то время не реагировать на провокации. Если у меня психическое отклонение, то первый шаг на пути к исцелению сделан – я признала проблему. Осталось ее решить. Проблема не возражала и, наверное, из уважения к моему психическому здоровью, хранила молчание, пока я приводила себя в порядок.

Выключила воду и столкнулась с проблемой куда серьезнее шизофрении: я голая, сырая и без одежды. То есть, мне нечем прикрыть наготу! Платье, что было на мне, мало того, что грязное, так еще и сырое. Приоткрыла дверцу душевой кабины и поежилась от ворвавшегося холодного воздуха. Кожа отреагировала мурашками, призывая захлопнуть дверцу и еще понежиться в тепле.

Осмотрела просторную ванную комнату, но не нашла ничего, стоящего внимания. Только пафос и роскошь дорогих вещей. Даже в нашем родовом поместье не так помпезно. Ванная комната размером с малую гостиную, утопала в позолоте, полированном мраморе и хрустале. В шикарных вазах

благоухали пышные букеты, по бокам от белоснежной ванны на золотых изогнутых ножках стояли причудливые статуи-фонтаны, многочисленные зеркала в широких рамах отражали мою перепуганную физиономию.

Замечательно! Наверняка, Гардиан только и ждет, когда я попрошу его о помощи. Не дождется! Хотя, откровенно говоря, я тоже хороша. Надо было сразу выгнать его, а не млеть от прикосновений, давая повод вести себя похабно.

Съезжившись от холода, обхватила себя руками (ни капли не потеплело) и засеменила к ближайшему белоснежному шкафчику. Внутри множество разноразмерных склянок и только. В другом шкафу щетки всех мастей, в третьем – крема, расчески и мочалки. Да что ж такое-то? Пятьдесят три шкафа, и ни в одном нет полотенец? Уже готовая сдаться и обратиться за помощью к Гардиану, я распахнула последний шкаф и подпрыгнула от радости: халат! Пусть огромный, явно мужской, но очень теплый.

В спальне меня ждал горячий чай с пирожными и бутербродами. Безразмерную постель с бархатным балдахином уже заправили, а для меня приготовили скромное темно-зеленое платье. Чистое, свежее и даже без заплат! Настроение резко поползло вверх.

Я расположилась в изящном кресле и, делая вид, что не замечаю Гардиана (он занимался тем же, смакуя кофе и почитывая газету), приступила к угощению. Липовый чай помог согреться, а пирожные с бутербродами утолили голод.

От тошноты не осталось и следа, но радоваться рано. В детстве вмешательство в мое сознание аукалось еще несколько недель.

Наконец, устав играть в молчанку (на деле закончилась еда, и я заскучала), спросила:

– Кто за нами гнался? Триада? Императорские гончие? Гоблины-мафиози?

– Фрейя, – меланхолично заметил Гардиан, нарочито медленно перелистывая страницу.

– Фрейя? – повторила задумчиво, вспоминая, где слышала это имя. – Подожди... Фрейя... та самая, которая из Нижнего мира? По... по... повелительница валькирий?

Другой Фрейи в мире нет. А, если бы и нашлась отважная назваться таким именем, прожила бы она недолго. Повелительница валькирий, она же богиня любви и войны, не терпит конкуренции и не любит, когда посягают на что-то, что она считает своим. Как, например, имя. В давние времена несколько сотен невинных Фрей погибли от ее меча только за использование имени.

– Ей-то ты чем не угодил?!

– Отказом.

– Отказом в чем?

Мне подарили красноречивый взгляд поверх газеты.

– Ей тоже нужен браслет? – не унималась я.

Гардиан свернул газету и, бросив на край круглого столика, взял чашку с кофе. Так можно обнимать любимую жен-

щину: медленно, интригующе, но в то же время бережно. Хотя, о чем это я? Вряд ли моему собеседнику известны слова с корнем «любовь».

– Нет, – его губы коснулись краешка фарфора. Маленький глоток, за которым ошеломительное: – Ей нужна ты.

Хорошо, что еда закончилась, иначе бы я поперхнулась. И от того, как Гардиан пьет кофе (ну серьезно, нельзя же пить его так!), и от того, что нужна Фрейе. Когда говорят, что ты нужна повелительнице валькирий, то дело жо... в смысле, это плохо.

– Поясни, – пыталась сохранить спокойствие, но голос предательски охрип.

– Она думала, что ты моя невеста, – сделав еще один глоток, Гардиан поставил чашку в блюдце и, скрестив ладони, посмотрел на меня, в ожидании реакции.

Я усмехнулась. Показала пальцем на себя, на Гардиана, снова на себя. Усмехнулась еще раз.

– Так это... Все-таки, Шаамни – обручальный браслет, да?

Такая мыслишка и раньше пробегала, да и помнится, что-то такое Гард сам говорил. Но мне до последнего хотелось верить, что произошла какая-то ошибка. Впрочем, почему нет. Она как раз-таки произошла!

– Только не говори, что мы помолвлены, – меня, почему-то, распирает смех. Сходила, называется, за цветочком. Спасла, называется, жизнь другу. Хотя другу в итоге все-та-

ки помогла, но цену заплатила неподъемную. Куда мне теперь девать столько килограмм внезапно свалившегося счастья, да еще с приплодом в виде веселой компании всех мастей?

– Не совсем.

Я с облегчением вздохнула – начало обнадеживает.

– Не стоит думать, что ты избранная или какая-то особенная. Шаамни выбрала тебя потому, что рядом не было других кандидатур. Она почувствовала, что ты спасешь ей жизнь, поэтому и сделала носителем.

Спасу жизнь браслету? Интересная игра слов.

– Так почему бы не избавить меня от почетной обязанности? Раз уж я не какая-то особенная, слезла бы она с меня, и дело с концом. Очевидно, что ты не собираешься ее уничтожать. Слышишь, браслет? Он друг. Хороший! Иди к дяденьке...

Глянула на Гардиана, который, к слову, уже сухой и красивый (последнее зачеркнуть!), то есть одетый, сидел рядом со мной как ни в чем не бывало. Словно и не было безобразия в уборной.

– Ладно, с хорошим я перегнула. Но он точно тебе поможет. Защитит от плохих нелюдей, он это умеет. Слезай, Шаамни, – пропела елеинным голосом и положила ладонь на стол, чтобы древнему артефакту было сподручнее. Мало ли у нее какой-нибудь магический остеохондроз и беднягу заклинило в кольцевой позе.

Мы некоторое время с надеждой смотрели на браслет, но ничего не происходило. Страшно представить, но в голове промелькнула мысль, что он так органично смотрится на моем тонком запястье, словно я родилась с ним.

— Я не знаю, что пошло не так, — честно признался Гардиан. Знаете, а это подкупает, когда мужчина вот так запросто признается, что не всеведущ. — Но теперь ты носитель и...

— Давай-ка притормозим, — я почесала мочку уха. — В нашем квартале носителями называют тех, к кому не стоит близко приближаться, поэтому ты смени терминологию, ладно? У меня нехорошие ассоциации.

— Не стоит приближаться? — меня не поняли.

Закатила глаза и пояснила:

— Гонорея, сифилис, триппер, другие постыдные болезни. Проказа, оспа, чума...

О, квартал прокаженных — кладезь редких, заразных, отборнейших болезней! А их носители клеймятся прямо в лоб первой буквой заболевания, так что ты сразу знаешь, с кем имеешь дело, и чем тебя могут наградить.

Гардиан резко подался вперед и произнес, оказавшись вплотную ко мне:

— Мы едем в мой дом, а это приличное место. Поэтому, во имя Исконной магии, оставь эти квартальные привычки, словечки и обороты при себе. Ничто так не красит женщину, как закрытый рот. В твоем случае — это золотое правило.

Открыла рот, чтобы наговорить гадостей, но промолчала. Во-первых, справедливо. Во-вторых, я выбралась из квартала. Пора вспоминать, каково это быть леди. К тому же, не терпится посмотреть, как вытянется физиономия этого самодовольного чудовища, когда увидит, на что я способна! Главное, не сорваться. Жизнь в квартале здорово меня поломала.

– Молодец, быстро учишься, – с сарказмом заметил он.

Ладонь для пощечины вылетела сама собой. Это рефлекс, хотя, прогресс налицо, в квартале я бы сжала кулак и двинула в челюсть.

– Я не быю женщин, – меланхолично заметил Гардиан, играючи перехватив мою ладонь и уложив на белоснежную скатерть. – Но применю наказание, распространенное у вас, людей, за непослушание.

Его глаза нехорошо сверкнули. Я бы даже сказала – с предвкушением. Ведь у нас, людей, за непослушание положена порка. Жена, сестра, дочь. Холопка, прислуга, крестьянин, аристократка, даже наследница престола – наказание одно. И ладно порка, так ведь человечество так в этом деле поднаторело, что невольно возникают вопросы, наказание это или реализация садистских поползновений? Порка крапивой еще куда не шло, полезно даже, а вот розгами...

– Ты не посмеешь! – прошипела, вгрызаясь в него ненавидящим взглядом.

– Испытай меня! – тихо, спокойно, откидываясь на спинку

кресла.

На кой мне это надо? Скрестила руки на груди и отзеркалила позу наглеца. Не дождется. Выпороть меня захотел! А сможет? Глянула на него украдкой и насупилась еще больше. Этот – сможет, еще и удовольствие получит.

– Ты не безнадежна. Это радует. На кровати...

– Знаешь что, – не выдержала и впиалась пальцами в подлокотники стула, чтобы удержать себя от необдуманных пощечин. – Я вижу, что тебя тошнит от моего общества. К счастью, это взаимно, в чем ты недавно имел удовольствие убедиться. К чему мучить друг друга? Тебе нужен браслет, мне – освободиться от тебя как можно скорее и сохранить руку. Для этого нам вовсе не обязательно общаться. Заключим сделку. Я клянусь не убегать с браслетом, а ты обещаю, что перестанешь ко мне цепляться и сделаешь все, чтобы наше с тобой, скажем так, сотрудничество, закончилось как можно скорее. Сделаем вид, что незнакомы! Может, я тихо-мирно посижу, да хотя бы здесь и подожду, пока ты придумаешь способ снять с меня эту штуковину?

Гардиан смотрел на меня с потаенным интересом. Во всяком случае, за время нашего знакомства я не видела на его лице такого задумчивого выражения.

– Ах, да! Самое главное, ты должен дать мне клятву, что не отрубишь руку!

Он усмехнулся и накрыл губы указательным пальцем.

– Я серьезно!

– Дорогая, а ты уверена, что не передумаешь?

– Я требую клятву! – едва ли не взвизгнула, прижимая к себе любимую конечность, так неосмотрительно попавшуюся в капкан чужого артефакта. Рученька моя, любименькая! Никому в обиду не дам.

– Даже, если будешь умолять ее отрубить?

– Да ты в своем уме?!

– Что ж. Да будет так. Мне подходит.

Для клятвы пришлось подняться. Гардиан раскрыл ладонь, на которой вырос огненный цветок – печать нерушимой клятвы! Я в очередной раз глянула на спутника с потрясением. Триада, Фрейя, печать нерушимой клятвы... А дальше что? Полет на драконе, восставшие из могил Патриархи, зелье бессмертия и Свет Эсаила на десерт?

Пока я с открытым ртом следила, как у цветка распускаются изящные лепестки, мужчина произносил формулу печати, а затем соединил наши ладони и вплеп «начинку»:

– Клянусь, что никогда, даже по настоятельному требованию этой госпожи, не покушусь на целостность ее руки.

И даже имя «этой госпожи» не спросил, бессовестный.

– И сердца! – ляпнула, не пойми что. – Точнее, тела. Я имела в виду все тело, а не конкретный орган.

Мужчина иронично хмыкнул и добавил:

– Целостность руки и остальных органов, включая невинность госпожи.

Залилась краской по самые уши, хотя имела в виду вовсе

не это! Нет, конечно, замечательно, что теперь моя невинность под надежной защитой, но...

Но? Да это просто замечательно, и точка!

– Да будет так!

Цветок заискрился и резко запахнул лепестки, образуя бутон клятвы. Осталось сорвать его и выпить.

Магия Гардиана оказалась невыносимо сильной. Ладонь обожгло и зашипало, цветок заискрился, и в мою кожу впилась жалящая игла чужой магии. По телу разлилась огненная дрожь. Спасибо спинке шикарного стула, обитого парчой, без нее я бы упала.

– Хм. А девица-то с сюрпризом, – заметил голос из пустоты. Кажется, моя шизофрения приобретает новые оттенки.

– М-гм, – взгляд Гардиана потяжелел. Он ожидал какой-то другой реакции. – Что ж. Поскольку расставаться с любимой конечностью ты не планируешь, кратко обрисую тебе ситуацию. Этот артефакт дорог мне больше жизни, поэтому до тех пор, пока он на тебе, мы неразлучны, дорогая. Представимся молодоженами, чтобы ни у кого не возникло вопросов. В моем доме все будут относиться к тебе как к моей невесте. Для твоего же блага – прими это как данность.

Прежде, чем я раскрыла рот, мне его запахнули магией. Оставалось прошивать гада гневным взглядом и сжимать кулаки. Могла бы – дым из ноздрей пустила для остроты. Жаль, что я не дракон. А вот Гардиан мог бы им быть, драконит меня от него знатно. Террорист выдров!

– Разумеется, придется сменить гардероб и поработать над... – по мне скользнули презрительным взглядом. – Всем... этим. Коргхард, как так вышло, что Шаамни выбрала себе в спасительницы эту голодранку? Есть хоть какие-то разумные предположения?

Под ладонью оказалась холодная и, что немаловажно, тяжёлая статуэтка крылатой девы, похожей на гарпию. Чего только не хранят на прикроватных тумбочках! Летела она хорошо, но недолго. Гардиан, не поворачиваясь, ловко перехватил ее на подлете и поставил рядом с собой.

Я хлопала ресницами, пытаюсь понять – кто передо мной? Такая реакция невозможна! Демон? Оборотень? Огненный лорд? Может, архангел? Хотя, из него такой же архангел, как из меня балерина.

– В ней сильная магия, вы сами убедились, милорд. Шаамни такая же древняя, как и Первородные драконы. Мы должны уважать ее выбор.

По мне: разъяренной, взъерошенной и пускающей молнии из глаз, мазнули презрительным взглядом.

– Так себе выбор.

«Да ты себя-то видел? Тоже далеко не Шаэртрасский!» – передала на ментальном уровне, не ожидая, что меня услышат.

У мужчины вытянулось лицо, ровно на три секунды.

– К счастью, – прорычал он.

«Это для кого как! Явно не для меня! Мало того, что

внешне непригляден, так еще и характером в дурного тролля», – скрестила руки на груди и отвернулась.

– Да простят меня Первородные драконы, это невыносимо! – выругался Гардиан, накрывая мое лицо ладонью.

Только не заклинание глубок...

Ублюдок! Как же я его ненавижу! Разве существует на свете такая ненависть? Каждая клеточка моего тела трясется от одной мысли о Гардиане. А стоит представить его лицо перед мысленным взором, как глаза наливаются кровью, а виски ломит от боли. Моя магия ненавидит его той же лютой ненавистью! Сейчас как встану, как...

Остатки недавно съеденных пирожных отказались засиживаться в моем животе и выпрыгнули прямо на тщательно отполированные сапоги Гардиана. Им там самое место!

Гад стоял возле моей кровати с таким видом, будто я не осквернила только что его ботинки.

– Я уже говорила, как ненавижу тебя? – прорычала, сдавливая очередной приступ тошноты. Прежде, чем я успела испортить еще что-нибудь из одежды моего ненаглядного (в том смысле, что век бы на него не глядела), мне в рот сунули какую-то пластинку.

– Жуй, – приказал он, накрывая мой рот ладонью.

Язык обожгло и зашипало, в нос ударил аромат ментола, по горлу разлилась ледяная свежесть с примесью горечи и кислоты. Я задергалась, пытаясь отпихнуть от себя руку и

выплюнуть гадость. Но мало того, что меня повалили на кровать и для надежности хорошенько придавили тяжелым телом, так еще и гадость быстро таяла, растекаясь во рту щипучей отравой.

– Глотай, – приказал мучитель, нависая над моим лицом, и плотно зажимая мой рот ладонью.

«Уберешь руку – я тебе в лицо плюну!»

– Весомый повод ее не убирать. Глотай. Это для твоего же блага.

Какие-то у него извращенные представления о благе! Во рту творилось что-то невообразимое, а когда я насилу сглотнула омерзительный слизкий комок, невообразимое булькнулось в желудок и устроило там переворот.

«Посмотри внимательно в эти глаза», – проворковала мысленно, запоминая каждую черточку красивого, но до невозможности наглого лица, нависшего надо мной грозовой кучей. – «В последний миг своей жизни ты увидишь их над собой, и они будут улыбаться!»

Не знаю, показалось мне или нет, но круглый зрачок мужчины на миг вытянулся в узкую щель, а по щекам скользнул отблеск жемчужно-сапфировой чешуи. Взмах ресниц – и странное видение исчезло.

«Молодец, девочка! Я в тебе не ошиблась!» – подала голос Шаамни.

Гардиан на провокации не повелся. Еще какое-то время прижимал меня к кровати, а потом отстранился и снисходи-

тельно бросил, откинув за спину смолянистые пряди:

– Не благодари.

– Не благодарить?!

Я схватила подушку и как следует отходила тирана по спине. Наконец, когда в стороны полетели перья, выкинула похудевшую вещицу, и осмотрелась в поисках чего потяжелей.

– Если ты закончила, у нас есть более важные дела. После всего случившегося...

Канделябр! Тяжелый, кажется. Бронзовый, с позолотой. Великолепно! Доползла до прикроватной тумбочки по ту сторону кровати и отправила канделябр в полет.

– Мы связаны с тобой настолько, насколько вообще могут быть связаны мужчина и женщина, – меланхолично произнес Гардиан, перехватывая канделябр и возвращая его на тумбочку с другой стороны кровати. Хотя вряд ли можно назвать кроватью этот аэродром, где спокойно приземлится дракон в боевой ипостаси.

И почему в последнее время я так часто думаю о драконах? Наверное, потому, что меня драконит один ужасно бесующий тип!

– Ты применил ко мне заклинание глубокого сна! Ты! А ведь я говорила тебе, какие последствия оно...

Я осеклась с занесенной над головой книгой. Тяжелый фолиант в деревянной обложке, обитый железом и украшенный камнями наверняка отлично трескает по голове.

– Это сборник древних эльфийских заклинаний, дорогу-

ша. Единственный экземпляр книги из личной библиотеки Повелительницы Разль, – доложили мне, аккуратно отбирая книгу из моих ослабших рук.

– Морорский гоблин тебе дорогуша – это раз! И почему меня не тошнит – это два?! Я же смотрю на тебя, должно тошнить!

– На этот раз я подготовился к твоему пробуждению. Предупрежден – значит вооружен. Кажется, так звучит одна из ваших народных человеческих глупостей.

Так эта омерзительная гадость, от которой до сих пор не по себе в животе, избавила меня от мучительных желудочных спазмов? Ну, спасибо, милгад, спасибо! Только это все равно не спасло твои сапоги.

– Так ты, стало быть, теперь благодарности ждешь?

– От тебя? – по мне прошлись ироничным взглядом. – Нет. От тебя я ничего не жду.

– Если бы ты не применил ко мне заклинание, то...

– Мы бы все еще не покинули пределов Аэртрусского замка. Не самое мое любимое место.

– Ну, простите, пожалуйста! Я...

В платье.

Точнее, сказать я хотела совсем другое, но только сейчас заметила, что я в платье. Том самом, зеленом, которое лежало на кровати в спальне упомянутого замка. И хорошо помню, что я его надеть не успела.

Откинула за спину гриву кудрявых волос, поднялась с

кровати, поправила складки на платье и закрыла глаза, мысленно считая до десяти. Куда проще потратить десять секунд жизни на самоуспокоение, чем сидеть потом в темнице за убийство.

– На мне платье, – произнесла спокойно, по-прежнему не открывая глаза. Если их открою – не сдержусь. Я уже мысленно приглядела как минимум пять тяжелых предметов в зоне досягаемости. – Ради собственного здоровья, скажи, что его надели горничные.

– Я не держу горничных, и привык самостоятельно решать незначительные бытовые вопросы.

У меня дернулся глаз, а выдержка полетела ко всем низшим расам вместе взятым. Ментальная магия снова взбесилась и вырвалась из-под контроля. Этот гад меня раздел-таки! Мало того раздел, так еще и смотрит таким брезгливым взглядом, словно ему пришлось выковыривать гной из фурункула на ноге бездомного, а не переодевать красивую невинную девицу с великолепными формами!

Вдохнуть, выдохнуть, снова вдохнуть. Кончики пальцев заledenели от скопившейся магии. Еще немного, и я начну искриться, как переполненный силой артефакт, а там и до взрыва недалеко.

Я отшатнулась, когда Гардиан снова попытался коснуться моего лица.

– Нет-нет-нет, – усмехнулась и пригрозила пальцем, с которого сорвался сноп сапфировых искр. Это что еще за фо-

кусы? – Думаешь, я позволю тебе снова к себе прикоснуться?

– Если не снять напряжение, ты разнесешь мою спальню.

– Я лучше тебе лицо разнесу, поверь, это снимет мое напряжение куда лучше, чем твои прикосновения, от которых меня, как ты помнишь, воротит...

Бессовестный снова воспользовался грубой мужской силой и, больно стиснув меня в стальных объятиях, накрыл лоб прохладной ладонью. Недаром существует выражение «боль как рукой сняло». В моем случае, как рукой сняло приближавшийся ментальный звездец.

– Отпусти меня! – прорычала, когда опасность разнести комнату миновала.

– Словно мне доставляет удовольствие тебя касаться! – нервно заметил Гардиан. – Если бы ты вела себя как взрослый разумный человек, то давно бы поняла, что я не желаю тебе зла и не желаю тебя как женщину. Я вообще не желаю тебя ни в каком качестве и, будь моя воля, тебя бы не было в моей жизни!

«Будь его воля», – проворчала Шаамни. – «Будь его воля, сдох бы холостяком и озверел в конец, застряв в ипостаси! Благодарить еще будет, хамло чешуйчатое!»

С последним я полностью согласна! Держи пятюню, Шаамни!

Довольно улыбнулась, окрыленная ментальной поддержкой разыгравшейся шизофрении, и заверила:

– Знаешь ли, я тоже не спешу связываться с кадром, в

чьей родословной помимо троллей, потопталось с десятка два представителей не самых миловидных рас.

В углу комнаты над потолком разразился глубокий хохот. От объемной лепнины, покрывающей потолок сетью витиеватых узоров, отделился большой каменный сгусток и, обретя крылья, превратился в нечто похожее на гарпию. Описав над нами круг, чудовище с кошмарными наростами на голове и огромными сапфирами вместо глаз, устроилось на краю комода, сложив вдоль каменного тела большие кожистые крылья.

– А ты мне нравишься, девочка, – гроыхнул каменный голос.

Взгляд Гардиана потемнел.

– Уела она вас, милорд, ой уела... ах-ха-ха.

Стиснув зубы, местный милорд скинул сапоги со следами моих подвигов, и поставил рядом с ожившей статуей.

– Раз тебе очень весело – займись. Познакомься поближе с внутренним миром понравившейся тебе девочки.

– Хам!

Тем не менее, каменное изваяние покорно кивнуло и, коснувшись сапог когтистыми лапами, растворило их в воздухе. Что за магия такая? Они пытаются свести меня с ума?

– А ты мне тоже нравишься, монстр, – поприветствовала потенциального союзника. – Как звать, кем будешь?

– Коргхард. Я честь, совесть и лучшая половина этого чудовища с миловидным личиком.

– Коргхард! – гроыхнуло чудовище с миловидным личиком и резко осадило своего... питомца? – Ferh'taas!

Каменное изваяние понуро опустило голову и замерло.

– Послушай меня внимательно, дамочка, – а это уже от дракономордого мне.

– Дамочка? Ты ко всем невестам так обращаешься? Не удивительно, что за тебя замуж не спешат.

– Исконная магия, в чем я согрешил?! – Гардиан всплеснул руками и, обхватив мое лицо ладонями, притянул меня к себе. – Женщина, когда мужчина говорит, ты молчишь! Это понятно?

– Я вчера на столбе объявление видела: сбежал мужчина из каменного века и его отчаянно разыскивают. Может, это они тебя? – оттолкнула руки своего ненаглядного и отошла подальше, а то ведь прибыю ненароком такое ценное сокровище! – В Гардии давно равноправие! Самодостаточная женщина, независимая от доходов мужчины, имеет одинаковые с ним права, и не обязана подчиняться! Союз мужчины и женщины строится на основе равенства, любви и взаимоуважения, – процитировала закон, которым часто спекулировала матушка при ссорах с отцом. Мы с сестрами вызубрили его с раннего детства.

– Равнородных, – поправило недоразумение. – Ты пропустила важное слово. Закон говорит о союзе равнородных мужчины и женщины. Ты мне не ровня, ни по воспитанию, ни по образованию, ни, тем более, по происхождению.

– Можно подумать, ты тщательно изучил мое родовое дерево! – вспыхнула от злости.

– Чтобы выяснить, что его корни питаются из сточных вод, не нужно глубоких исследований.

Звук пощечины оглушил, а пальцы обожгло от удара. Гардиан мог меня остановить. Смею надеяться, где-то в глубине его умирающей в конвульсиях души шевельнулось нечто, отдаленно похожее на совесть.

– Никто. Не. Имеет. Права. Унижать мою семью, – прорычала, на каждом слове тыкая пальцем в стальную грудь дегенерата, по ошибке ставшего моим женихом. – В Гардии за такое оскорбление тебя отдадут под суд и, когда мы избавимся от этой гадины, явно твоей кровной родственницы, – я указала на браслет, – с превеликим удовольствием это сделаю!

На щеках Гардиана проступили сапфировые чешуйки. В этот раз не получалось списать их на оптический обман – они никуда не исчезали. Коварно улыбнувшись, он вкрадчиво спросил:

– Дорогуша, а ты так уверена, что мы в Гардии?

– Конечно же я ув...

Моя самоуверенность разбилась о самодовольную ухмылку горе-жениха. Ну, нет... Мы не могли так быстро покинуть пределы Астории!

– Так, – произнесла со всей вежливостью и учтивостью, на которые была способна в данных условиях (я перешаги-

вала через гордость размером с носорога!). – Мне нужно в уборную.

Вода успокаивает даже в безвыходных ситуациях. Приму ванну, расслаблюсь, представлю, что в мире нет никого, кроме меня. А еще лучше, что в мире есть все, кроме Гардиана, и, глядишь, жизнь пойдет на лад. А заодно и в окно посмотрю, попробую понять, куда нас занесло географически. В детстве я много путешествовала, узнаю окрестности Гардии по ландшафту.

– Коргхард, принеси даме горшок, – прогремело железом, вырывая меня из розовых облаков мифического блаженства.

У меня в лучших традициях квартала отверженных открылся рот. Иначе говоря – упала челюсть.

– Что, простите?

– Горшок. Такое приспособление, куда...

– Не ерничай, я прекрасно знаю, что это такое. Я не пойду на горшок! Хвала Исконной магии, в Астории существует канализация! Или в вашем Сараево до такого прогресса еще не дошли?

Чудовище снова захохотало.

– Горшок! – меланхолично повторил гад.

Мы смотрели друг на друга как генералы вражеских войск, выбирающие момент для атаки. Судя по стальному взгляду, уступать мне не собирались. Хуже всего, моя шизофрения разыгралась настолько, что к чешуйчатому лицу Гардиана добавились узкие щели зрачков. Передо мной не

человек, не демон и даже не огненный лорд. Передо мной, кажется, оборотень! Но это не дает ему права унижать меня.

– Я отказываюсь делать это при вас, – прошипела, не уставая себе повторять, что я леди. Потому что если я не буду себе этого повторять, то дам волю рукам или того хуже – ногам и языку.

– Сомневаюсь, что вы, люди, можете меня чем-то удивить в этом отношении.

– Я вас ненавижу! Я лучше под себя схожу, а вы – терпите последствия, ясно?! – прорычала и, сложив руки на груди, плюхнулась на постель. Мягкий матрас спружинил, принимая меня в дружелюбные объятия.

– Милорд, – вступился Коргхард, все это время сидевший на комодке каменным изваянием. – При всем уважении, я на стороне леди. Это унижительно. К тому же, в вашей уборной безопасно, я лично проверял помещение.

– От этой... бесовки можно ожидать чего угодно.

Желание укусить гада стало почти невыносимым, но я же не варвар? Кто виноват, что он будит во мне самые худшие и низменные инстинкты, вытаскивая наружу все плохое, что я скопила за целую жизнь. Возможность посетить уборную в отсутствие этого дегенерата прельщала меня куда больше злобы, поэтому я умерила гордость и воспользовалась тайным женским оружием: сделала вид, что собираюсь заплакать.

– Коргхард, – с сомнением произнес Гардиан. – Ты ви-

дишь то же, что и я?

Театрально всхлипнула, пытаясь выдавить хотя бы слезинку. Ну, давай же! Забудем, что я приказала себе не плакать, когда покидала родительский дом, сделаем маленькое исключение! Ладно, можно без водопада, но хотя бы красивые дорожки от ресниц до подбородка можно ведь устроить? Если немного поднатужиться. Ну... давай, зараза, давай!

– Да, милорд. Леди, кажется, вот-вот...

– Родит, – закончило мое проклятье.

Могу представить, как закипает чайник. Сначала где-то внутри большого железного бака рождается жар, он приводит воду в движение. Она бурлит тихонько, потом сильнее, затрагивая все новые и новые слои воды, начинает шипеть, ей становится тесно в узких рамках бака, и тогда она яростно ударяется в его стенки, пытается сорвать крышку, выпрыгнуть через носик, откуда с жаром вырываются клубы пара. Так границы некогда привычного мира становятся узкими и тесными. Так вот, если несколько минут назад я была на стадии закипания, то сейчас у меня запрыгала крышечка, и остервенело завопил свисток на носике. Я плеснула в Гардиана таким раскаленным взглядом, что он немедленно сдался:

– Хорошо. Две минуты. Секундой дольше, и я войду.

– Две. Минуты.

Проговорила, неспешно поднимаясь, и чеканя каждое слово. Гад предусмотрительно отступил на шаг, летающее кошмарище отлетело подальше и уместилось на спинке сту-

ла возле окна.

– Вы хотя бы примерно представляете, сколько времени занимает снять... все необходимое?

Крышечка на чайничке все еще подпрыгивала. Я улыбалась такой обжигающей улыбкой, что еще чуть-чуть, буквально одна капля, и скопившийся внутри кипятка хлынет наружу, пожирая все на своем пути.

– Милорд. Мой вам совет: тщательно взвешивайте каждое слово, – предусмотрительно прошептал Коргхард. Ай да молодец, ай да прохиндей!

– Представляю, – самодовольно заявили мне. – И даже не примерно.

Я задыхнулась от возмущения. Даже крышечка на мгновение замерла и перестала подпрыгивать.

– Справлялся и за меньшее время.

Залепив паршивцу вторую пощечину (а он, замечу, дважды позволил!), я вздернула подбородок и покинула спальню с видом победившего генерала. Дверь в уборную грохотнула так, словно была разрывным пульсаром. Сверхмощным. В уборной пошатнулись хрустальные светильники, с одного даже камешек отвалился и разбился на мелкие прозрачные слезинки. Я надеялась, что эффект от моего ухода будет побольше, но создавалось впечатление, словно стены, двери, да и все вокруг соткано из укрепленных материалов. Как будто владелец дома – неуклюжий огр, созданный для разрушений. Во всяком случае, в деле разрушения челове-

ческой психики он достиг небывалых высот.

– Справлялся и за меньшее время, видите ли! – прошипела, якобы невзначай опрокидывая на каменный пол старинную вазу. Жалобно звякнув, та не разбилась. – Ну, что ты творишь, Сэйри? Ваза-то в чем виновата? Крышу сносит у тебя, а страдают все!

Разве не это причина конфликтов в моем детстве? Разве я не пыталась доказать родителям, что выросла и могу самостоятельно принимать решения и нести за них ответственность? Пока что несет только меня, и явно не в ту сторону.

Бурлящее негодование успокаивалось. Я открыла кран, ополоснула лицо прохладной водой, чувствуя, как каждое мгновение приносит облегчение. Не знаю, помогает ли вода или стена между мной и Гардианом, но одно очевидно – чем мы дальше друг от друга, тем спокойнее наши нервы и целее интерьер.

Обвела уборную коварным взглядом и метнулась к узкому окну. Вскрабкалась на тумбочку, подтянулась и едва не взвыла.

– Что?! Да быть того не может!

Рейнхарт

– Милорд, – Коргхард первым нарушил тишину.

Гаркуны не должны испытывать эмоций, но я готов поклясться, что конкретно в этот подарочек Фрейя влила чересчур много темпераментного дыхания. Хранитель с завид-

ным упорством вмешивается в мои дела, комментирует мои поступки и пытается влиять на принимаемые мною решения, что я ненавижу больше всего.

– Молчи, Коргхард. Лучше займись делом. Нора, Лихард, Жозефин, последняя кладка, Триада...

– Поглядите-ка на нас! – ехидно заметил гаркун, тяжело спрыгивая на пол и выхаживая вслед за мной. – А кто это у нас тут еще ни разу бесконтрольно не оборачивался со вчерашней ночи?

Я затормозил, и каменное изваяние налетело на меня сзади.

– Сдам на каменоломню! Не суй клюв не в свое дело.

– Вы только обещаете, – рассеянно пробормотал он, потряхивая огромной головой. – Мне понравилась эта девица. Давайте не будем отрезать ей руку, давайте лучше женимся на ней?

– Ты в своем уме?! Чтобы я, наследник сапфирового трона, будущий повелитель драконов взял в жены оборванку из квартала прокаженных? Да ладно оборванку – человечку?

Не удержался, и сделал то, что хотел давно – брезгливо сплюнул на пол. Люди – жалкие, беспомощные мрази, единственная цель которых – уничтожить все вокруг себя. Сначала они улыбаются, делают все, чтобы пробраться в твое сердце, а, когда им это удастся, ранят в самое больное место, забирают самое дорогое, самое ценное, что у тебя есть, и исчезают, получив в награду не только деньги, но и наслаждение

от чужих страданий. Один раз я попался на эту удочку, но второму не бывать. Я могу написать диссертацию о влиянии обманчивой внешности на разумность принимаемых решений. Нужно быть идиотом, чтобы наступить на те же грабли. Наши предки недаром держались от людей на расстоянии.

– Милорд, вы же понимаете, что Нора...

– Не привязывайся к девчонке, Коргхард! Помяни мое слово, никакая клятва не удержит ее неумные конечности от побега. Я должен как можно скорее найти способ снять Шаамни и уничтожить браслет. А оборванка пусть катится на все четыре стороны.

– Но ее же убьют!

– Не мои проблемы, – усмехнулся, понимая, что возможно это мой единственный шанс избавиться от этого невыносимого жужжания над ухом. Исконная магия, если ты послала ее за грехи, я готов опуститься в чертоги Нижнего мира и сразиться с падшими душами, только заberi эту террористку обратно!

– Возможно, не стоит рубить сгоряча? Думаю, Фрейя права. Если вы не уверены в сохранности Шаамни в нашем мире, передадим ее на хранение в Нижний. Создательница увережит, я уверен.

– Коргхард, я списываю твое предложение только на отсутствие мозгов. Фрейя – богиня войны. Как ты, думаешь, она поступит, получив в распоряжение одно из мощнейших оружий этого мира? Будет бережно хранить или уничтожит

все, что движется и создаст собственный миропорядок?

Гаркун задумался и почесал когтистой лапой за ухом, хоть это ему и без надобности.

– Молчишь? Лучше займись поисками Норы, и передай нашим особым гостям, что в скором времени я приду их проведать. Надеюсь, ты обеспечил их всем необходимым?

– Разумеется, милорд.

Браслет нагрелся и потянул меня к уборной. Цепь, соединяющая с Шаамни, исчезла, но магия Первородных драконов абсолютна. Она создала связь без видимой цепи и тактично намекает, что мне пора вмешаться. О, женщины! Вы даже с того света умудряетесь испоганить нашу жизнь!

Подозревая, что в уборной придется задержаться, я прихватил с собой том «Истории Перводраконов». Где-то на страницах этой книги должно крыться логическое объяснение поступку Шаамни. Хотя, учитывая ее женский дух, опасаясь не найти логики в ее поступках.

Ариана

– Как я и говорил, – раздался за спиной недовольный голос.

Да как только смеет врываться в уборную, когда там дама? Совсем что ли стыда нет?!

– Я видом люблюсь! Красота-то какая! – спрыгнула, все еще не придя в себя от увиденного. – Ты что, псих? Или твои предки – орлы? Кто строит дом на горе?!

– Я строю.

– Вижу, – выпалила оторопело.

Вид заснеженных гор, уходящих за горизонт корявыми шипастыми грядами, не выходил из головы. Дело даже не в горах, просто они были где-то там внизу...

– Повторю вопрос – ты псих?

– Ответ, по-моему, очевиден.

– Это точно. Выйди, я желаю принять ванну. После удивленного, мне необходимо прийти в себя.

Гад плюхнулся в кресло и закинул ногу на ногу.

– О, Исконная магия! Ты всерьез полагаешь, что я выпрыгну из окна? Куда? Внизу обрыв на остр. знает какую глубину! Я не самоубийца! К тому же, мы заключили договор!

– Ты, быть может, и не выпрыгнешь. Но я не исключаю, что даже в мое родовое гнездо могут дотянуться руки императора и украсть мое бесценное сокровище.

Это какой длины должны быть руки! Постойте. Это я-то бесценное сокровище?

Посмотрела на гада с недоверием, наблюдая, как его томительный взгляд касается моего лица, плеч, стекает по руке и останавливается на... Мда, Сэйри. У кого-то вместо мозгов сахарная патока! Бесценное сокровище не я, а браслет!

– Побуду здесь, для надежности. Служанок я не держу, мне они не нужны. Уверен, справишься сама. Кстати, что-то не припомню в вашем сарае ванны.

У меня дернулся глаз. Ванны он не припомнит! А вот я

ему все припомню, каждое слово при первом же удобном случае! А, когда помиримся с батюшкой (я готова ради такой цели), то еще и он припомнит! Тщательно пересчитает каждый зуб во рту этого словоохотливого дегенерата!

– Зачем нам ванна, когда можно славно вымыться в лохани? – съязвила, убивая наглеца взглядом, в тщетной надежде, что он-таки поймет намек, и направится к выходу.

– Ты всерьез полагаешь, что меня интересует твоя возня в корыте? – скучающе спросил он, погруженный в чтение невесть откуда взявшейся книги.

Та-ак. Спокойно! Спокойно, я сказала!

С обворожительной улыбкой взяла с тумбочки серебряный ковш, набрала в него ледяной воды и, улыбаясь еще шире, опрокинула на голову женишка. Полегчало! Ох, как же мне полегчало!

А вот Гардиан и вида не подал. Как сидел, так и продолжил сидеть, только волосы облепили его суровое лицо, а вода насквозь промочила рубашку. Легкая ткань плотно облепила его упругие мышцы, демонстрируя то, что неокрепшей и лишенной мужского внимания женской психике видеть не положено.

Мать моя женщина, отец мой мужчина... Я сглотнула и отвернулась, чтобы не смотреть на этого инкуба. Точно! Теперь я знаю, кто он. Инкуб и есть, иначе с чего бы меня физически влекло к этому моральному инвалиду?

– У меня не так много времени. Пошевеливайся, – скуча-

юще произнес он.

Гневно развернулась и обнаружила, что сырая рубашка валяется в корзине для белья, а волосы Гардиана полностью распущены. Сырые пряди касались упругой кожи на его груди, по которой лениво скользили ледяные капли.

– Наслаждаешься видом? – усмехнулся он. – Ты не в моем вкусе, поэтому повторяю – поторапливайся.

Не в его вкусе, значит? Гад как есть! Что мне из-за него теперь планы менять? Расслабляющая ванна мне не помешает и, если не смотреть в сторону этого источника тестостерона и адреналина, я даже смогу успокоиться. Вода – моя стихия. В детстве, когда родители еще лелеяли надежду «вылечить» мой ментальный недуг, меня часто укладывали в ванну с розовой водой и морской солью. Помогало. Особенно, если после ванны кого-нибудь отменталить. Увы, но мой дар сродни некромагии. Если ты его не используешь, он сожрет тебя изнутри рано или поздно. Многие некроманты жалеют, что отдали свои души Нижнему миру. Но у них хотя бы был выбор, я же не выбирала такую участь, она сама меня нашла, причем с рождения.

Гардиан водил сосредоточенным взглядом по книге и не обращал на меня внимания. Открыла кран, настроила воду погорячей и прогулялась по просторной комнате. Отделанная малахитово-золотыми тонами, она показалась мне уютной, хоть и слишком большой. В одном из шкафчиков я обнаружила морскую соль с маслом розы, щедро сдобрила воду

и, обнажившись за ширмой, выглянула.

Мое проклятье по-прежнему сидело в кресле, целиком погруженное в чтение. Мне даже интересно стало, что так сильно может увлечь. Пользуясь случаем, обернулась полотенцем и прокралась к ванной.

– Не знаю, что ты делаешь, но делай это поскорей, – раздалось циничное замечание, при этом на меня даже не подняли взгляд.

Пропустила выпад мимо ушей и плюхнулась в ванну насупив скинув полотенце. Пышная шапка ароматной пены надежно скрыла мои прелести, поэтому я с наслаждением закрыла глаза и устроила голову в специальной выемке. Нежный аромат роз окунул меня в детство. В те минуты, когда я была счастлива. Тогда мама меня еще любила, или делала вид, что любит, потому что надеялась «исправить» меня. В общем, забыла о Гардиане сразу. Горячая вода ласкала, расслабляя каждую клеточку моего замученного тела. Цветочный аромат увел в бескрайние леса Мердии – небольшого городка на северо-западе Гардии. Помимо фирменных кренделей, Мердия славится кедровыми орехами, производством пихтового масла и удивительными долинами роз!

Вот и сейчас я словно очутилась на берегу лесного озера, окруженного кольцом разлапистых пихт, пушистых лиственниц, величественных кедров и корабельных сосен, чьи длинные гладкие стволы так разительно выделялись на фоне пушистых и низких соседей. Я подошла ближе к воде и опу-

стилась на прогретый солнцем камень, уютно уютившийся между кустами махровых роз. По озерной глади лениво скользил лист кувшинки с большим розовым цветком. Он подплыл ко мне и, когда я потянулась, чтобы сорвать цветок, заметила отражение в озере.

Это был он... Дракон, которого я видела во сне. Огромная морда с пронзительными сапфировыми глазами смотрела со дна. И мне бы в ужасе бежать, забыв обо всем на свете, но я как зачарованная любовалась золотистыми искрами в глубине его глаз.

Морда приближалась. Под водой различались огромные крылья, роговые наросты и даже кончик мощного хвоста с шипами. Приятный шелест воды приветствовал появление дракона.

– Ты... – прошептала, протянув руку к знакомому другу из снов.

Дракон ласково подался навстречу, позволяя коснуться его горячей чешуи.

– Я тебе уже снился? – раздался знакомый бархатный голос.

– Конечно... – прошептала с улыбкой, а потом меня будто камнем по голове ударили, и я резко открыла глаза.

Голос принадлежал Гардиану, а не дракону из снов!

– То есть, не льсти себе! Конечно, ты мне не снился. С чего вдруг дурные мысли?

Я повернула голову, а Гардиан ехидно усмехнулся, по-

прежнему не поднимая на меня взгляд. Мужчина перевернул страницу и продолжил читать, не удостоив меня ответом. Что за беда в его голове? Или моя шизофрения заразна?

Поскольку настрой мне уже сбили, я взяла с тумбочки мочалку, щедро намылила и подняла над пенным облаком ногу.

– Почему ты ненавидишь людей? – спросила, натирая себя мылом.

– Почему вы ненавидите троллей? – он поднял взгляд и замер, не моргая.

Гардиан смотрел на меня, я, прикрытая ворохом распущенных волос и пеной, смотрела на него. Немигающий взгляд достался не только моим голым плечам, но и ноге, оголенной выше колена. Подавила желание нырнуть с головой под воду. С достоинством опустила ногу и напомнила:

– Я не интересую вас ни в каком качестве, так что будьте любезны, вы там что-то читали? – проговорила манерно, оценив реакцию по достоинству.

Кашлянув, женишок уставился в книгу с тройным интересом.

– Троллей мы не любим за повадки, – вернулась к теме разговора.

– Вы отличаетесь от них только количеством волос. По моему, источник моей неприязни очевиден.

Ну нельзя же быть настолько гадким?!

– Спешу разочаровать. Еще мы отличаемся памятью! – добавила с елейной улыбкой, хотя взгляд на меня Гардиан

больше не поднимал. Он в третий раз перечитывал страницу, словно текст на непонятном языке.

Мы отличаемся даже не памятью, а злопамятностью! Если тролль быстро злится и мстит «вотпрямщас», а потом забывает, то люди нет. Мы запоминаем, копим, а потом, как подвернется случай – припоминаем. Может, и сомнительное качество, но определенно отличие.

– Пустые бесполезные сосуды, низшие существа, – презрительно фыркнул, надо думать, высшее существо. – Кроме злобы и ненависти в вас ничего и нет.

Некстати в моих руках было мыло и оно, ну совершенно случайно выскользнуло и полетело гаду прямо в глаз. На деле бесполезный кусок пролетел мимо, а «высший» даже ухом не повел, но все равно немного полегчало. Надо же соответствовать его представлениям!

Ненавижу!

– Меня не интересуют твои сны. Только браслет и то, как его снять. Возвращаясь к моему вопросу – я тебе снился?

Ненависть ненавистью, но избавиться друг от друга – наше совместное желание, поэтому пришлось сознаваться.

– Да, – протянула нехотя, намыливая плечо. – Ты испоганил великолепный сон своим появлением в образе голозадного малыша. Впрочем, малышом-то ты как раз был миленьким, а как повзрослел...

Я брезгливо передернула плечами и почувствовала на себе взгляд. Именно почувствовала! Моего плеча будто косну-

лось что-то мягкое и теплое. Испуганно повернулась и обнаружила, что Гардиан и правда смотрит: заинтересованно, но недовольно.

– Я снился тебе в образе человека?

– Нет, ты снился мне в своем истинном образе.

На щеках жениха вновь проступили сапфировые чешуйки. Сам он подобрался и с интересом подался вперед в ожидании ответа. Я сделала то же самое и, ухватившись ладонями за край ванны, прошептала, словно по секрету:

– В образе свиньи.

Мне бы такую выдержку! Вот честное слово, я в какой-то степени им даже восхищаюсь. Он несколько секунд смотрел на меня, как на птичий помет, а потом вновь откинулся на спинку кресла и вернул взгляд книге.

– Развлекаешься, значит. Тебе, смотрю, нравится быть носи... гхм... носить Шаамни. Возможно, ты даже не планируешь от нее избавляться. Я могу тебя понять: выбралась из нищеты и прельстилась роскошью. Но не обольщайся. Завтра утром приедет моя мать и, по праву старшей рода, исправит ошибку. Ты вернешься туда, где тебе место, а я забуду о тебе, как о страшном сне.

Убью.

Прости, Исконная магия, но это выше моих сил!

Резко встала и вода с шумом плюхнулась обратно в ванную, оставив на мне пышное платье из белоснежной пены. Женишок вскинул взгляд и замер, чудом не выронив из рук

книгу. Осознала оплошность, и спешно обмоталась полотенцем.

– Поддай мне платье! Больше не считаю возможным мучить тебя своим обществом!

– Конечно, дорогая, – хрипло произнес Гардиан и поднялся.

Удивительное дело! Неужели в нем проснулся джентльмен? Спал с первой секунды нашего знакомства и, наконец-то выпался?

Как-то мне говорили, что я слишком хорошо думаю о людях. А еще говорили, что мне не мешает губозакатывательная машинка. В лучших традициях «гада обыкновенного», Гардиан вынес из-за ширмы платье и галантно опустил его... в воду. Ткань намокла и тяжело опустилась на дно.

– Какой я неуклюжий, – проговорил он холодно, не изменившись в лице.

Совість! Ау...

– Что... Что ты делаешь?! Совсем ненормальный?!

– Я не могу тебе доверять, – спокойно произнес Гардиан, глядя мне в глаза. Ох, ну спасибо, что не облапали взглядом все, что выше и ниже полотенца! – Мне будет гораздо спокойнее знать, что ты никуда не денешься.

– Клятвы тебе мало?

– Мало.

Открыла рот, чтобы поупражняться в троллеме, но промелькнула коварная мыслишка.

– Хорошо, – улыбнулась елейно и, придерживая полотенце, вторую руку протянула жениху.

– Хорошо? – переспросил он.

Чует подвох? Это правильно. Потому что он есть. Огромный такой подвох, размером со слона!

– Конечно. Ты большой, сильный и властный. Мне придется тебе подчиняться. Я поняла. Хорошо. Будет по-твоему.

Покорно улыбнулась, похлопала ресничками и поиграла пальчиками, требуя помощи. После моего тактичного покашливания Гардиан отмер и взял-таки меня за руку, но так, будто держал змею, а не прекрасную леди. Не жалея сил, потянула гада на себя, и мы со всего размаха плюхнулись в воду, учинив знатный бедлам. Вообще-то, я планировала окунуть в воду только женишка, но он так плотно в меня вцепился, что я в итоге оказалась под ним.

– Ты сумасшедшая? – прорычал он, откидывая с лица сырые волосы.

– Не надо повторять мои слова! – прорычала, пытаюсь спихнуть с себя тяжелую ношу и попутно отплевываясь от воды. Полотенце, на секундочку, коварно сползло и блюстителем моей нравственности оставался жалкий слой пены, да навалившийся сверху мужлан, по ошибке ставший моим женихом. – Слезь с меня!

– Уверена, что хочешь этого? – усмехнулся Гардиан, приподнявшись на руках.

– Да что ты себе... А ну ляг обратно! – взвизгнула, когда моего тела коснулся холодный воздух.

Вставать – плохая идея. Я голая! А полотенце валяется где-то в ногах, и достать его, не сверкая ягодицами на потеху публике не выйдет. В том, что публика потребует потехи, я даже не сомневалась.

– Мне кажется, что все это дурной сон! Что плохого я сделал в жизни, чтобы встретить тебя?

– Вспомни, быть может, когда летал на метле, не пропустил какую-нибудь бабушку? Дай мне полотенце!

– Оно сырое.

– Неважно, хоть что-нибудь, кроме себя! Ты ведь тоже сырой!

Гардиан коварно улыбнулся. Его взгляд – тяжелый, наполненный предвкушением чего-то увлекательного, завораживал. Он провел пальцами по моему лицу, убрал со щеки сырую прядку волос, коснулся губ. С ужасом поняла, что прикосновения жениха не вызывают отторжения. Хуже всего, мне хочется потянуться навстречу, прижаться щекой к горячей ладони, почувствовать ее не только на губах, но и... Гхм.

– Ты красивая, – неожиданно прошептал он, склоняясь к моему лицу.

– Что ты делаешь?! – прошипела, когда его дыхание обожгло мои губы.

Сердце грохотало в ушах, в груди творилось что-то странное, я сама себе не принадлежала, понимая, что еще чуть-

чуть и забуду о нашей вражде ради сиюминутного удовлетворения! Привлекательность Гардиана неоспорима и, увы, не перечеркивается его невыносимым характером. С закрытым ртом он даже ничего...

Толчок и вода ехидно зажурчала.

– Достаяю пробку, – коварно прошептал он, касаясь губами моих губ, а потом резко отстранился. – Она без надобности. А ты что подумала?

Женишок улыбался такой ядовитой улыбкой, что я серьезно рисковала стать вдовой еще до свадьбы! Со злости ударила ладонями в его грудь и заявила:

– Да кто так делает?!

– Я так делаю, – меланхолично заметил Гардиан, изящно поднимаясь. Я тут же прикрылась руками, но в этом не было надобности. На меня даже не взглянули, зато швырнули сырым полотенцем. – К тому же, вид ничего, – добавил он, принимаясь за вязки на штанах.

Мыльница врезалась в стену. Увы. Мочалка, пемза, зеркальце и щетка тоже не достигли цели. Ну, ничего! Натренируюсь! Обязательно натренируюсь!

– Думаешь, отсутствие одежды помешает мне уйти от тебя? – взревела, прижимая к себе сырое полотенце. По телу текла вода, но в порыве ярости мне было все равно.

Я понимала одно: нужно уйти! И вовсе не для того, чтобы нарушить клятву, хотя к валькириям ее, можно и нарушить! Мне нужно уйти, чтобы остыть, потому что в присутствии

этого непарнокопытного я не могу нормально думать! Я веду себя неадекватно и вообще за себя не отвечаю!

«А у него всю жизнь так», — хмыкнула Шаамни. — «Такой большой, взрослый и страшный, а все время ходит по грани оборота. Довести его до необратимого безумия — раз плюнуть и растереть. Но теперь, конечно, не получится».

— Да я уже сама обезумела, даже растирать не надо! — шикнула, пытаюсь поудобнее подоткнуть полотенце, чтобы прикрыть и то, что сверху, и то, что снизу.

Гардиан усмехнулся и, очертив взглядом изгибы моего тела, произнес:

— Выход — там. Мой дом в твоём полном распоряжении, любовь моя.

— Да ты... да я... да... — я пыхтела злобным драконом, разве что не пускала из ноздрей дым. — Деградант!

Он вздохнул и как будто бы подавил желание закатить глаза.

— Скучно.

— Вот, значит, как? Хорошо, — издевательски улыбнулась и, подняв подбородок, гордо перешагнула бортик ванны, закрепив сырое полотенце как развратное платье. — Смотри!

Не оборачиваясь, я покинула уборную и распахнула двери, ведущие в коридор. Картинно занесла ногу над порогом, ожидая, что меня вот-вот остановят. Честно, я уже согласна на халат! Обычный домашний халат! Это же унижительно ходить в полотенце! К тому же, оно совсем сырое и мне

холодно!

– Что-то ты не торопишься, – из-за спины донеслось скупающее замечание. – Подтолкнуть?

Смешинки во взгляде стали последней каплей. Я громко хлопнула дверью и покинула комнату. Наконец-то!

Рейнхарт

– Милорд, а вы уверены, что не перегнули палку? – с сомнением протянул Коргхард.

– Недогнул. Она меня достала! – выругался, скидывая с себя сырые штаны. Развела меня как ребенка! – Пусть прогуляется и подумает над своим поведением. Ты это видел? Она должна быть счастлива, что выбралась из грязи в приличное общество! Сидеть тише воды, непрестанно благодарить, что я вообще с ней вожусь!

Ударил по стене и с потолка сорвались горячие струи душа.

– Восхищаться вами? – добавил гаркун.

– Восхища... – поймал себя на безотчетной злости и метнул в гаркуна убивающий взгляд.

– Ну же, милорд. Обернитесь!

Стиснул зубы и смолчал. Еще пару дней назад малейшая злость вела к частичному обороту. С появлением девчонки что-то поменялось – она меня бесит! Видит Исконная магия, как она меня бесит! А еще меня бесит, что я хочу ее, и не могу получить из-за клятвы, которую сам же и дал! Это надо

же было ляпнуть, что не покушаюсь на ее невинность! Такие строптивые девицы отлично приручаются сексом, да и мне не помешала бы разрядка.

– Она берет часть сил на себя, вы же чувствуете.

Чувствую, не идиот.

– И дело не в Шаамни.

А это – самая большая загадка. Обычные парные артефакты созданы для сдерживания бесконтрольного оборота. Наши тоже на это способны, но после активации. Помолвки еще не было, выбор Шаамни можно опровергнуть, если его не одобрит старшая из рода – моя мать. Поэтому влияние девчонки на Гардиана непонятно. Откуда они знакомы – еще большая тайна. Дракон тянется к ней, связывается через сны, и мне придется с этим считаться, если не смогу вовремя разорвать зарождающуюся связь.

– Дело в ней, я понимаю.

– Так, может, все же женимся на ней? – с надеждой пропел Коргхард, за что получил мылом в лоб. С меткостью и реакцией у меня куда лучше, чем у этой взбалмошной выскочки. Она дурно на меня влияет – мещанские выходки заразны!

– Отправляйся и следи, чтобы с ней ничего не случилось. Эта ненормальная способна на ровном месте навлечь на себя беду.

– Беспокойтесь, милорд?

– О браслете! И проследи, чтобы никто не нарушил мой ментальный приказ: никакой одежды для нее. Накормить,

напоить, дать все, что попросит, кроме одежды.

– Милорд! – возмутился гаркун. – Зачем вы вредничаете? Как ребенок!

– Это часть воспитательного процесса. Исполнять!

– Будет сделано!

С гадким хихиканьем, Коргхард растворился в воздухе, а я сделал воду похолоднее, чтобы выбросить из головы мысли о красивых длинных ножках и огромных глазах, полных праведного гнева. Даю пять минут, а после прибежит, как миленькая, и будет сидеть здесь, в ожидании моей милости! И тогда я смогу спокойно заниматься делами. Бридж давно ждет с отчетом, и мне не терпится узнать, что он нарыл.

Ариана

В коридоре мне попалась горничная. С виду приличная и отзывчивая девушка. Я всего-то попросила у нее платье или тапочки. Или, ну хотя бы занавеску, что ли? Но она едва не уронила поднос и бросилась от меня наутек. Другие горничные тоже адекватностью не блистали. Дворецкий, тактично кашлянув, прикинулся глухим.

– Вы меня слышите? – почти крикнула, даже на цыпочки привстала, чтобы быть ближе.

Седовласый проказник с невозмутимостью ответил:

– Разумеется, госпожа. Прекрасно слышу.

– Ну, так что? Вы принесете мне наряд?

– На ужин заливная рыба. Желаете к ней салат или чече-

вичный микс?

Зарычала, чувствуя, что во мне просыпается зверь. И далеко, далеко не хомячок! Я желаю на ужин голову одного ужасно бесючего типа! Можно даже без гарнира!

В гостиной первого этажа неспешно прогуливались в пышных платьях и невесомых накидках две леди. На добрый и отзывчивый вид не повелась. Леди ожидаемо вздохнули, переглянулись и соизволили сообщить, что не велено мне помогать во всем, что касается одежды. А в другом они с радостью меня поддержат.

– То есть вы готовы вместе со мной закидать комнату Гардиана тухлыми яйцами?

Девушки побледнели и переглянулись.

– Солин. Кажется, нас зовут, слышишь?

– Никто вас не зовет, – фыркнула, взбешенная ситуацией. Ну, это надо же! Позаботился гад! Так позаботился, что каждая собака здесь против меня!

Что ж. Сам нарвался!

Заприметила легкую шелковую занавеску и коварно улыбнулась. Гордиться нечем, но отчаянные времена требуют отчаянных мер. Вскарабкалась на подоконник, освободила приличный кусок ткани и обмотала вокруг себя, повязав банты на шее и бедрах.

Сносно! Во всяком роде, лучше, чем мокрое полотенце, хотя бы коленок не видно! Мягкий шелк цвета топленого молока приятно обнимал тело и несколько поднял настроение.

Вспомнилось, как в детстве мы с сестрой устраивали показ мод. Обматывались безразмерными материнскими платками, обрезам тканей, лентами. Тогда было весело, а сейчас как-то не очень.

Выскочила на улицу и, пыхтя от негодования, прокричала прямо под окнами Гардиана (во всяком случае, мне показалось, что окна должны быть где-то здесь):

– Садист!!!

Пусть знает, что я о нем невысокого мнения. Ему, конечно, волосато, зато мне легче.

– Изверг! Дегрант!

Местные жители проходили мимо, делая вид, что внешне оглохли, увлечены пейзажем, ласточками, черными угольками, вспарывающими лазурь неба, ромашками, колышущимися на ветру, да чем угодно, только не сырой, взбешенной и встрепанной мной, обернутой в занавеску.

– Ненавиж-ж-жу!!! – прорычала (или вернее сказать, прожужжала), топая голыми пятками по траве. Хорошо хоть вечер теплый и мне не грозит простыть.

Неужели он не выйдет на балкон, не извинится, и не попросит меня вернуться? Прийти самой не позволяла гордость, в конце-то концов, я не уличная оборванка, я леди! Со мной нельзя так обращаться! Да даже если и не леди – человек! Живое существо с чувствами и душой!

– Изверг!

– Повторяешься! – донесся с балкона глухой голос.

Еще и подслушивает?!

Бешенство кипело во мне и разве что паром из ушей не валило.

Ладно, допустим, я сама выбежала и на улицу меня никто не гнал. Хотя, почему это не гнал? Сам сказал – вперед на выход.

Словно у меня есть возможность уйти! Впрочем...

Я внезапно перестала яриться и осмотрелась. Сад. Дорожки. А дорожки всегда ведут либо к входу, либо к выходу. Бывала я в куда худших ситуациях. Подумаешь, на мне только занавеска! Зато дар никуда не делся...

Расправила плечи и с гордо поднятой головой пошла в противоположную от замка сторону. Знаю, клятва не позволит мне сбежать, но хотя бы узнаю границы дозволенного расстояния, и потреплю кое-кому нервы. Исключительно ради вразумления и возможности установить разумный диалог. Еще прибежит как миленький, готовый договариваться!

– Невестушка! – Гардиан облокотился о перила балкона и склонил голову на бок.

Невестушка?! Еще бы девицей меня назвал! Хоть бы имя у ненаглядной спросил!

С разных сторон слышались восхищенные женские вздохи. Я и сама обернулась посмотреть, что так привлекло местных дамочек, облюбовавших лавочки под окнами моего жениха.

Повернулась и застыла. Он вышел по пояс обнаженный,

а по голому торсу, обласкавшему багровыми лучами солнца, стекали крупные капли. Они сияющими бриллиантами перекатывались по мышцам груди, бугоркам пресса и тонули в плотной резинке домашних брюк. И это все – мое?! Поймала себя на том, что вздыхаю наравне с другими девицами. Стоп! Ты Аркхарган или кто?

Ладно, ладно, уже «или кто», но, как любят выражаться тролли, кровь не пропьешь.

И вообще, это что за бесстыдство? Без пяти минут жена-ты, а он тут своими бицепсами, трицепсами, другими бугорками и выпуклостями пленяет умы местного женского сообщества!

– Я ухажу! – вспыхнула, ныряя в цветущие жасминовые кусты. Меня окутало облаком сладковатого запаха. – А ты продолжай тут стоять и совращать местных дам своими... – еще раз провела жадным взглядом по красивому мужскому телу и злобно закончила: – прелестями!

– Прелестями? – усмехнулся он.

– Иди и утопись, Гардиан!

Выбралась из кустов по другую сторону дорожки и ускорила шаг, щедро посыпая ругательствами голову того, кто додумался выложить местные тротуары то сосновой щепкой, то пихтовыми иголками, то острыми разноцветными камушками. Думаю, леди, переломавшие с десяток каблучков, тоже не в восторге от такой ландшафтной находки.

– Выдров хрен! – прорычала, в очередной раз уколов го-

лую ступню о камень.

Угодья вокруг замка настолько большие, что местами на-поминают лес. И, если бы не искусственные дорожки, чтоб долго икалось тому, кто их придумал, я бы решила, что спас-лась. Но нет. Заприметила неподалеку лавочку, уже облюбо-ванную кем-то, и двинулась к цели. Мне жизненно необхо-димо отдохнуть!

Плюхнулась на теплую деревянную скамейку и с блажен-ством вытянула ноги, наслаждаясь передышкой, а заодно и красотой. Всюду возвышались величественные сосны, где-то вдалеке стучал дятел, то тут, то там падали шишки, обро-ненные белочками. Одна из них ловко спустилась по стволу и схватила шишку возле моих ног. Перебирая малюсеньки-ми пальчиками добычу, она глянула на меня черными глаз-ками-бусинками.

Виски ломило. Дар менталиста необходимо применять как можно чаще, иначе сойдешь с ума. Поэтому его и бло-кируют, поэтому мы и считаемся опасными для общества. С животными я не пробовала, но... вдруг? Сосредоточилась на черных глазках, напоминающих ягоды спелой смороди-ны, и утонула в них, сливаясь сознанием с малышкой. Се-кунда, другая, третья, и я почувствовала отклик. Энергия то-неньким ручейком вытекала, подчиняя волю белочки. Бро-сив шишку, она недоверчиво потрусила ко мне. Останови-лась, осмотрелась, снова продолжила путь. Нерешительно коснулась лапкой моей ноги, а потом запрыгнула ко мне на

колени и дала себя погладить.

Соседка по лавочке с интересом наблюдала, как я поглаживаю пальцами малюсенькую беличью головку.

Красивая! И белочка, и соседка. Многих старость уродует, а ее – красит. Всегда завидовала женщинам, которые в шестьдесят выглядят лучше, чем ты в свои двадцать. Красота становится не яркой и пошлой, она становится изящной, элегантной. Спокойный, даже величественный взгляд выдавал аристократку, хотя кеды и спортивный костюм пытались сбить меня с толку.

– Простите, госпожа, – повинилась, поглаживая разомлевшую от ласки белочку, которую я больше не удерживала ментально, и не отрывая взгляд от обуви бабули. – Я бы сейчас убила за пару кед на твердой подошве!

– Зачем же убивать? – усмехнулась она и потянулась к шнуркам. – Держи.

Округлила глаза, наспех проверяя, не применила ли я внушение. Да ну, это нельзя не почувствовать! Дар как минимум обжигает болью виски, а иногда еще и... да-да, после встречи с Гардианом дает ментальной лопатой по голове.

– Что б ему икалось, недоделку! – фыркнула, вспомнив обладателя золотых глаз. – Простите, это я про Гардиана! Живет в этом замке один такой дегенерат с во-от такущим самомнением! – я от души показала размер упомянутого самомнения. – О! И это еще что, знали бы вы размер его наглости! У меня длины рук не хватит, чтобы ее показать!

Старушка рассмеялась, перекинув за спину туго сплетенную белоснежную косу, а потом ее взгляд замер на моем браслете.

Меня обдало ледяной волной страха. Подскочила, перепугав белочку, которая юркой пушистой молнией метнулась к сосне и скрылась из виду. Я убрала руку за спину и захотела к Гардиану. На ручки. Ну ладно, можно не на ручки, а под бочок. Или просто рядышком. Как он ловко уделал «гоблинов-мафиози» – загляденье! Он даже от Фрейи ушел, чего уж тут боевая старушка? В том, что она боевая – никаких сомнений. Треники как бы намекают.

– Эм, простите, я... мне...

Почтенный возраст госпожи меня не обманывал. В ней чувствовалась сила, способная при желании сломать меня как тростниковую палочку.

Хрусь.

– Так ты Эйри? – женщина улыбнулась и поднялась.

– Вы босиком, – заметила отстраненно, понимая, что страх исчез. Схлынул так же быстро, как и появился. Опасность миновала, если она вообще была.

– Я серьезно, надевай обувь, дорогая. И присаживайся, поведай, что такая красота делает босиком в лесу и...

Она окинула меня смеющимся взглядом и уточнила:

– В занавесках, пошитых бабушкой Рейнхарта.

Шелковая ткань вдруг показалась опасной змеей, обвившей мое тело.

– Не поймите неправильно, я уверена, бабушка некоего Рейнхарта, наверняка, замечательный человек, но...

– Человек? – удивилась она.

– А, нет, конечно. Замечательный не человек, – споткнулась, понимая, что несу что-то не то. – А, знаете, мне и правда, уже пора. И занавеску вернуть, и...

– Она вам удивительно идет, – добродушно улыбнулась незнакомка и, утянув меня обратно на лавку, ловко подхватила с земли кеды.

Ни намек на радикулит, остеохондроз или старческую немощь. Что-то подсказывало, эта бабуля любому молодому фору даст.

– Надевай, не зли меня.

Ослушаться поостереглась. Натянула обувь и спросила:

– А что вы делаете в глухом лесу?

– Успокаиваюсь. Пробежка, моя милая, помогает успокоиться и упорядочить мысли. Вчера узнала, что внук женится.

– Да вы что?! Бедненький... – поняла, что сморозила и поправилась. – Простите, я сначала говорю, потом думаю.

– Не самое худшее качество, – отмахнулась женщина. – Невеста оказалась обычной человечкой. К тому же с сомнительной репутацией. Мой муж давно погиб, а я втайне надеялась найти для внука подходящую женщину, но...

Усмехнулась. Подходящую женщину! Да для них любая, кто на все согласен – подходящая. Лишь бы слушались и не прекословили.

– Значит, от невесты вы не в восторге?

– Была, – задумчиво улыбнулась бабуля. – Сначала подумывала подстроить несчастный случай. Ну, знаешь, неудачное падение с лестницы, например...

– Лестница – дурной тон, – отмахнулась, понимая, что она шутит. – Лучше лошадь – это надежнее. А яд – вообще беспроектный вариант. Съела что-то не то, заперлась в уборной, да и окочурилась. Быстро и эффективно.

– Хм. Об этом я, почему-то, не подумала, – она задумчиво почесала подбородок, но потом выскользнула из мыслей и тепло погладила меня по ладони. – В любом случае, это уже не актуально. Ты мне нравишься.

– Спасибо, вы мне тоже. А как вас...

– Райра. Для тебя просто Райра. Можешь дать мне совет, Эйри?

– Не уверена, что я в том возрасте, чтобы давать вам советы.

Изящные седые брови поползли вверх.

– Это ты так намекаешь, что я старая?

– При всем уважении, вам далеко не восемнадцать, – учтиво пожала плечами, запоздало понимая, что лучше бы промолчать и тактично улыбнуться. Сказываются годы общения с троллями и гоблинами. Правда. Жесткая, хлесткая, в лоб. А вот она же, сказанная за спиной, может стать причиной незапланированного похода к дантисту.

– В моей среде за такие слова можно и жизни лишиться.

– Правду не любите? – изогнула бровь.

– Среда не любит, – Райра окинула меня оценивающим взглядом, словно прикидывая что-то в уме. Откинула с лица прядь моих волос, надавила на плечо, чтобы я выпрямилась. – Но я считаю, что это проблема среды, а не моя.

– Вы красивая женщина. И дай Исконная магия мне такую же величественную старость, – поделилась от чистого сердца. Нахамила бабуле, чувствую за собой вину.

– Даст, даст. Обязательно даст. Возвращаясь к моему вопросу: как заставить внука жениться?

– А он не хочет?

– Не хочет. Потому что у него во-от такое самомнение, – Райра повторила мой жест. – И размер наглости примерно такой же. А еще он упертый, как ундумский баран в пубертатный период!

– Он очень сильно напоминает Гардиана! – усмехнулась я. – Может, и не надо вашему внуку жениться? Если бы он встретил ту самую, то почувствовал бы.

– Гарантирую, он встретил ту самую, раз она не задушила его в первую же встречу, – глаза Райры лучились смехом. – Но понимаешь, ему сложно открыться. Куда проще скрыться за стеной засранца, которому чешуйчато до других. Окружить себя броней, делая вид, что он суровый мужчина, не ведающий жалости, любви и привязанности. Это случилось девятнадцать лет назад, когда с подачи родного брата убили его невесту и украли приплод. Через пятнадцать лет повто-

рилось нечто подобное, но она сама сбежала. И тоже с приплодом.

– Вот су... – я побледнела и исправилась, – сумчатая ди-кобразина! Это же надо!

Но собеседница с пониманием отнеслась к моей реакции и охотно кивнула.

– С тех пор он не может себя простить. Считает, что виноват в гибели невесты и потере кладок. Пытается контролировать все в своей жизни, запрещая себе чувствовать. А еще, он на дух не переносит людей, ведь его последняя невеста была человечкой.

– А его третья невеста все это знает?

– Теперь знает, – с грустью заметила женщина. – Надеюсь, что распорядится этой информацией с умом. Эйри, мой мальчик на самом деле хороший, – она бережно взяла мои руки в свои ладони и погладила. – Дай ему шанс.

– Я вас не понимаю.

А дальше не поняла еще больше, потому что Райра обхватила мои запястья. Ее глаза опасно блеснули золотым светом, а зрачок вытянулся в узкую черную шелку:

– Я, Райранна Вертэр Амалинда ирд Дарлейхасская благословляю союз той, которую знаю под именем Эйри Мейендорф и моего внука Лотэйра Рейнхарта Вертэр ирд Дарлейхасского.

Лотэйра?

Ирд Дарлейхасского?

Мать моя женщина, отец мой мужчина, друг мой тролль и подруга ведьма.

Гардиан – это Рейнхарт, а Рейнхарт – дракон!!!

Рейнхарт

– Бридж, давай быстро, у меня важное дело! – обозначил, входя в рабочий кабинет, и мысленно проверяя гаркуна. Девчонка в порядке, и пока не самоубилась. Люди настолько хрупкие создания, что способны умереть от неудачного падения с высоты собственного роста. Это ли не шутка Исконной магии? Зачем создавать настолько нежизнеспособных существ?

Первый советник исполнительно ждал, протянув мне папку. Вернулся в реальность и, забрав документы, устроился за столом. Кипа бумаг на подпись навевала скуку и желание завести заместителя. Но заместитель – это потенциальный соперник, которому рано или поздно захочется прибрать власть к своим рукам, а у меня высоки шансы возглавить в будущем все стаи. Если это случится, кипа бумаг будет в три, а то и четыре раза выше, и к ней прибавится с десятка два других не очень приятных обязанностей, с которыми, кстати, справится и невестушка. Пусть отдувается за меня на благотворительных вечерах, выставках и светских мероприятиях, где по протоколу обязан присутствовать глава стаи или его самка.

Поймал себя на мыслях Гардиана и выругался. Самка –

человек? Серьезно? Может, устроим отбор среди гоблинов или троллей?! Приглашения уже высланы, но всегда можно допечатать пару-сотню свежих.

Но, если серьезно, дракон заметно присмирел с появлением девицы, и подавал недвусмысленные сигналы. Ни Наиру, ни тем более Нору, он не принял. Смирился с моим решением создать с ними пару по закону сильнейшего, но не образовал связь. А эта жалкая человечка пленила моего зверя так сильно, что он из яростного монстра превратился в пушистого котенка! Беспомощного, мать его, котенка!

– Милорд? – повторил Бридж.

Я смотрел на его пушистые рыжие усы, напоминающие клешни лобстера, и не сдержался:

– Ты бы сбрил их. Seriously, Бридж... не солидно.

– Эм...

Советник, немолодой дракон, с благородной лысиной, трепетно пригладил усы, явно не разделяя моего мнения.

– Неважно. Ты нашел Нору?

– Ее следы, как я и говорил, ведут в Асторию и теряются в недрах тайной канцелярии его императорского величества. Чего-то более конкретного пока нет. Мы выясняем ее настоящее имя. Это не более чем предположения и существенных доказательств у меня нет, но...

– О том, что Нора шпионка, я догадался и без тебя. Мне нужна конкретика, хоть что-то, за что можно зацепиться!

– Аркхарганы. Второй род после Шаэртрасских. Они на-

следуют трон, если правящая династия прервется. Вполне возможно, Аркхарганы строят козни против императорского дома, и могли разыграть карту с кладками, чтобы стравить Шаэртрасских с нами. Разразится война, итогом которой так или иначе станет падение правящей династии. И здесь на фоне международного конфликта Аркхарганы смогут выйти миротворцами.

Я задумчиво постучал пальцами по столешнице. Бридж, быть может, и создает впечатление недалекого и немощного старичка, но на деле обладает гибким умом и отличными аналитическими способностями. Его предположения не одну и не две сотни раз в итоге находили подтверждение на практике. Вот и сейчас он вполне может оказаться прав.

– Составь мне досье на этих Аркхарганов. И почему мы раньше о них не слышали?

– Это во всех отношениях добропорядочный род, не замешанный ни в каких конфликтах или скандалах. Их чистота настолько идеальна, что вызывает серьезные подозрения. Они занимаются политикой, благотворительностью, культурой, военным делом, всем, чем положено заниматься будущим правителям. Да и в целом ведут себя так, словно не сегодня, завтра власть будет в их руках.

Бертоломео Аркхарган – министр внешних связей Гардии. Я слышал о нем от отца. Невероятно сильная магия, безукоризненные политические и моральные принципы, исполнительность и преданность императору, граничащая с одер-

жимостью. Не похоже на портрет злодея и интригана. Впрочем, интриги, чаще всего, удел женщин.

– Кто жена Бертоломео?

Бридж нахмурился.

– Кажется, некто Илсаия или Исилия... Не могу сейчас вспомнить. Занимается благотворительностью, много жертвует на культурные проекты, кстати, она одной из первых посетила драконьи земли после скандального нападения наших сородичей на Гардию.

Поразительная смелость для женщины.

– Составь мне подробное досье на нее. И на всех членов рода Аркхарган. Если они хоть как-то связаны с кражей наших кладок, ни один из них близко не подойдет к трону Гардии. Я уничтожу всех до единого, кто к этому причастен, и буду в своем праве.

Ведь среди похищенных яиц были мои дети. И ни один отец в здравом уме не простит убийство своих детей, какими бы причинами его ни мотивировали.

Бридж записал мои распоряжения и перешел к докладу о политической обстановке. Я бегло просматривал документы, разгребая бюрократический завал на своем столе. Терпеть не могу беспорядок! Здесь быгодились заботливые женские руки, например, этой... как ее там. Темная материя, я даже не спросил имя своей невестушки.

Браслет нагрелся и обжог запястье. Спешно проверил связь с гаркуном – сигнала тревоги нет, значит, девчонка раз-

влекается или планирует побег, а это может подождать.

– Это все понятно, – захлопнул очередную папку и поднял взгляд. – Лучше расскажи, как продвигается расследование с последней выкраденной кладкой? И, Бридж, ради Исконной магии, не говори, что и здесь ты ничего не нарыл, иначе я всерьез поставлю вопрос о твоей профессиональной пригодности и, честное слово, усы станут финальным аргументом перед моим отцом. Уверен, его одобрение даже не понадобится.

– Нет-нет, здесь как раз есть новости. Я получил сведения, что сегодня вечером два яйца будут доставлены из Астории к пещерам на западе Гардии. Если быть точнее, к Утесу семи молний, – Бридж поспешно выудил из внутреннего кармана камзола камень памяти и едва не выронил его из дрожащих пальцев. – Про-простите. Совсем выпало из головы...

Как бы у него не выпало из головы что-то более важное. Хотя, лично для меня нет ничего более важного, чем дети, наследники членов моей стаи.

Активировал камень, рассматривая глазами тайного агента две кареты, оборудованные гнездами вместо диванов.

– Моему агенту удалось напасть на след, который тянется к личному крылу императорского дворца. Внутрь попасть не удалось – кто-то из Шаэртрасских лично выставил блок, усиленный менталистами. Пробриться через него не получилось. Но, яйца, судя по всему, загрузили именно там, потому что кареты больше не останавливались. По последним дан-

ным от моего агента, они на подступах к Утесу. Участие Аркхарганов под вопросом, а вот участие Шаэртрасских – факт. Пронести яйца в личное крыло членов императорского дома без их одобрения невозможно. Нет такой магии, которая бы это позволила.

Сжал кулаки, не обращая внимания на жгучую боль в запястье. Да что творит эта девчонка, еще и в такой ответственный момент?!

– И ты говоришь мне об этом только сейчас? Бридж, с этого стоило начать! Гром-птицы, значит... Зачем императору Гардии оружие против драконов? Укрепляет границы, не доверяя нашим заверениям, что ситуация под контролем?

Бридж не сдержал усмешку, но с профессиональной быстротой вернул серьезное выражение лица.

– Вы же понимаете, наша ситуация далека от контроля.

– Но ему-то об этом неизвестно, если у кого-то, помимо длинных усов, нет длинного языка. Выясни, зачем императору Гром-птицы, и оставь мне досье.

Значит, два яйца. Осталось найти еще восемь. И Черную звезду...

Я стиснул зубы и с силой сжал кулаки, чтобы не взвыть от боли, прошившей запястье острыми иглами. Гардиан вопреки всякой логике, ликовал.

– Свободен, – прошипел, рывком поднимаясь и покидая кабинет.

Бесовка! Будет тебе платье! А еще познавательная про-

гулка с яркой гаммой непередаваемых ощущений. И только не говори, что ты боишься высоты!

Ариана

Не знаю, от чего я оволосела больше. От слов бабули или от осознания места, в котором нахожусь: слева окружность, справа окружность, а я посередине, где плохо пахнет.

Оно называется задницей! Полной и неотвратимой.

– Шаамни, засвидетельствуй мое благословение. Ash'ha Shaamnee ryte hour!

Последняя фраза прозвучала сквозь нечеловеческий рык. Виски налились болью, запястья обожгло. Я почувствовала, что под пальцами Райры браслет снова ожил и скользнул по коже. Магия что-то там переиначила и, когда женщина убрала руки, на моем запястье по-прежнему красовался артефакт. Только теперь вместо пяти изящных веточек, в сложном плетении четко различалось семь. Огибая мою худую руку в причудливой вязи, ленты слагали над моей ладонью символ в виде сердца в объятиях кожистых крыльев. Красиво, но...

– Моя девочка... – прошептал браслет. – Спасибо, что приняла меня. Теперь мы едины, шайри.

– Гадина! – вскочила с лавки, пытаясь стряхнуть с себя браслет. – Это я не вам, – добавила поспешно. – Это я ей! Хотя, вы тоже не лучше! Что вы наделали? Мы позвали мать Рейнхарта, чтобы она сняла с меня эту подлую штуку, а те-

перь... Что значит, «теперь мы едины, шайри?»

Лицо старушки просияло так, словно перед ней прямо из-под земли вырвался столп чистейшей Исконной магии.

– Шайри? Ты слышишь голос Шаамни?

– А вы разве нет?

– Увы, не удостоилась такой чести, хоть и носила браслет почти полвека.

– Вы носили эту гадину?

Райра усмехнулась и по-матерински погладила меня по голове. Хотела злиться на нее, но не получалось! Мама не дарила мне даже скупой ласки. Не обнимала, не целовала, не говорила, что любит. Я замерла от новых ощущений, рассыпающих мурашки по телу.

– Ребенок, – улыbnулась старушка, погладив меня по щеке. – Недолюбленный ребенок. Поэтому такой колючий. Спрячь шипы, Эйри. Здесь нет врагов. Теперь – нет.

– Так это вы меня хотели... ик, с лестницы?

– Теперь не хочу, – виновато улыbnулась женщина. – Ну, наконец-то. А я все думала, когда же ты появишься. Я изучаю Шаамни всю свою сознательную жизнь. Шайри значит...

Появление Рейнхарта я почувствовала позже, чем его бабушка, но именно почувствовала. Ни одна травинка не шелхнулась, ни одна веточка не хрустнула под его ботинком, а сердце ускорило бег. В руках ненаглядный нес... женское платье?

– Бабушка? – разочарованно протянул он. – А где мама?

– Хамло подзаборное! Так ты встречаешь любимую бабулю? – прорычала, вырывая из его лапищ наряд. Панталоны с озорными рюшечками натянула в первую очередь, стойко игнорируя смеющийся взгляд жениха. Издевается? Ну, ничего! И на нашей улице перевернется повозка с замороженными сладостями в жаркий полдень!

– Повторяешься, – отмахнулся он.

– Я тебе не энциклопедия, каждый раз выдумывать новые ругательства. Да и зачем, когда ты прямо квинтэссенция того, о чем я тебе говорю! – бурчала, забираясь в ворох пышных юбок и старательно пытаюсь найти выход.

Бант на шее некстати развязался, и шелк занавески скользнул по телу, упав к моим ногам.

– Отвернись! – взвизгнула, почувствовав дыхание вечерней прохлады на спине. – Отвернись, иначе придется на мне жениться!

– Действенная угроза, – раздалось совсем близко и меня одним рывком одели.

– Какой ты все-таки... – я замялась, подбирая подходящее слово.

– Джентльмен? – с ухмылкой предположил Рейн, затягивая шнуровку на моей спине.

– Нет. Подобная глупость в мою голову не приходила!

– Конечно, куда же ей приходиться, когда твоя прекрасная головка занята другими глупостями!

– Я тебя придушу! – прорычала беззлобно, сдувая с лица

уже высохшую прядь волос.

– А дотянешься? – лукавое над ухом, последний рывок и проворные пальцы чешуйчатого завязали на моей талии бант.

Чешуйчатого!

– Др-ракон! Гардиан! Так он... – я развернулась и обильно ткнула пальцем в грудь этого... этого... ай, все! – Так ты... так вы...

– Что, умница, слова кончились? На свадьбу подарю тебе энциклопедию.

Я со всей силы наступила кедом на ступню Рейна. Тот и ухом не повел. Вскинул бровь и поинтересовался:

– Что-то не так?

– Я вот понять не могу, как у такой замечательной бабушки получился такой несносный внук! Может, тебя усыновили? Или роняли в детстве?

Замечательная бабушка, наконец, подала признаки жизни и рассмеялась.

– Нет, дорогая. Не усыновили. Перед тобой самый что ни на есть настоящий наследник...

– Бабушка, – осек Рейнхарт. – Я просил приехать маму, а не тебя.

Пихнула хама локтем под ребра и сделала страшные глаза.

– Ты само очарование! – прошипела, намекая, что кое-кто мистер очарование и сама галантность.

– Не переживай, Эйри. Такое общение в порядке вещей

для моего внука. Ты быстро привыкнешь.

Вот еще! Неудивительно, что от него две невесты сбежали. Я не настоящая, но уже давно готова дать деру, что тогда говорить о настоящих, которым и вовсе приходилось подстраиваться под многочисленные чешуйчатые требования, чтоб его дракошество изволило не сердиться?

– Именно потому, что ты просил приехать маму, приехала я. Она... эм... занята.

Дракон окинул бабушку скептическим взглядом и выдал неожиданное:

– Ты босиком.

– А ты плохо заботишься о шайри.

Рейнхарт едва не поперхнулся от заявления, резко схватил меня за руку и уставился на Шаамни как на трехглавую гадюку. Шайри – это какое-то заковыристое драконье ругательство? Что все приходят от него в такой непонятный восторг?

– Нет, – тихо произнес он через несколько минут.

– Ты отправился в Асторию на поиски Шаамни, а через несколько дней прислал нам весточку с требованием незамедлительно явиться для проведения родового ритуала. Сложить одно к одному не составило труда, – с коварной улыбкой разложила бабуля. – Мартолета, в силу недалекости и скудоумия, конечно же, разделила бы вас, но только не я. Мои исследования перводраконов привели к любопытным результатам, а твоя мать отмахивается от них!

Рейн, твоя девочка не просто атолин. Она – шайри! Они пришли в наш мир, и это не легенды!

– Осторожнее, Райра! Ты все же говоришь о моей матери.

Женщина состроила гримасу, совсем как ребенок, которого заставляют выполнять нелюбимую работу вместо прогулки.

– Я тебе о таких вещах говорю, а ты снова защищаешь Мартолету! Снести яйцо способна любая драконица. Даже Эйри может родить дракона!

– Упаси Исконная магия! – произнесла в ужасе и осенила себя отсекающим знаком.

– Но этого недостаточно, чтобы называть себя матерью. Впрочем, сейчас это уже неважно. Я свое дело сделала и могу с чистой совестью...

– Остаться в замке до объявления официальной помолвки, которую ты и организуешь, – произнес Рейнхарт с родовым коварством. Он прямо отзеркалил ехидную ухмылку бабушки, которая пришла в восторг от предложения. Проникшись идеей, она помахала нам на прощание и покинула нашу недружелюбную компанию. – А с тобой... нев-вестушка, мы прогуляемся. Высоты боишься?

– Что за вопросы?! И вообще, я нагулялась, не хочу никуда идти, есть хочу! Пойду с Райрой. В отличие от тебя, она мне понравилась.

– Боишься, значит, – разочарованно констатировал дракон, игнорируя мои слова. – Впрочем, не удивительно. Ты и

от тени-то своей наверняка шарахаешься.

– Я сейчас по тебе шарахну и освобожусь, наконец!

– Может, разорвем клятву, я отрежу тебе руку и разойдемся по-хорошему? – с отчаянием предложил Рейн. – Серьезно, это будет проще для всех.

– Я согласна, но если будет баш на баш.

Дракон (как-то я подозрительно легко свыкла с этой мыслью!) оживился.

– Я тоже тебе кое-что отрежу. И сама выберу, что именно! – прошипела, красноречиво опуская взгляд туда, куда приличные леди смотреть не должны. Но, разу уж я голодранка неотесанная, или как там он говорил, то мне можно!

Хм. А ничего так... многообещающе.

– Гхм, – кашлянул дракон, скрещивая руки и прикрывая ладонями... Эм, в общем, хор-рош. Поймала себя на том, что кусаю губу, и резко отвернулась.

– Ну, нет, так нет, – притворно вздохнула. – Ты бы потом новый отрастил.

– Ты совсем... – впервые драконогад утратил дар речи.

– Хвост, – пояснила, невинно хлопая ресничками. – У ящериц они снова отрастают, разве у вас не так? Или ты о чем-то другом подумал? Неужели, я так много прошу в обмен на самый мощный артефакт драконов с моей рукой в подарок?

Рейнхарт рассердился. Всерьез так рассердился: свел брови, сузил глаза, раздул ноздри. Даже жилка на его шее как-

то нехорошо пульсировала.

– Хватит! Ты свой выбор сделала. Не умоляй потом все отменить.

– Да вот еще! Я не жалею о принятых решениях, потому что они – результат взвешенного и обдуманного...

Мой лоб накрыли ладонью. С теплых пальцев дракона сорвались знакомые искры. Только не заклинание глубок...

Он опять это сделал! На этот раз – специально! Настолько специально, что сто сорок лет тюрьмы за убийство дракона уже не кажутся мне таким уж большим сроком. И только я хотела облегчить желудок на этой прекрасной мысли, как в мой рот сунули ментоловую пастилку с послевкусием гадости. Мы достигли той степени единения, что понимаем друг друга с полUTOшноты! Я еще глаза не раскрыла, а мне в лицо уже дует свежий ветер, а во рту стреляет лекарство от отката. Действенное, к слову.

Когда мерзостный комок плюхнулся в желудок и отключил тошноту, изменения вкуса, цвета и тепловосприятия, поняла, что мне вовсе не жарко. А еще я не лежу в мягкой постели, как в прошлый раз, и резкий ветер, бьющий в лицо, мне вовсе не показался. Я нерешительно открыла глаза и оторопела, прижимаясь спиной к холодным скалам. Мне казалось, если буду вдавливать себя в камень, то не упаду с того малюсенького островка, на котором едва помещались мои ступни. «Райра словно знала, что мне понадобятся кеды», – некстати промелькнула мысль, когда я мельком гля-

нула вниз. Вот здесь моя нервная система не выдержала, и я завизжала, потеряв равновесие. Если где-то внизу есть земля, сейчас мы с ней встретимся!

– Не переживай, все под контролем, – скучающе объявил Рейнхарт, перехватив меня за талию, и прижимая к себе. Сильно удивлюсь, если я не поседела...

Вцепившись в жениха, я боязливо осмотрелась, чтобы понять всю грандиозность за... пусть будет, задачи. О, с такой высоты она, (и округа, и, гхм, задача) просматривалась хорошо и далеко! Я видела шпили Астории, лежащей за несколько десятков деревень отсюда. Они были настолько маленькие, что едва ли превышали ноготь на моем мизинце. В лазурном небе нещадно жарило солнце, но хуже всего даже не это.

– Пьюююууу, пьюююууууу, – проорали среди облаков. Чайка. Пусть это будет заколдованная чайка!

Солнце скрыло тенью таких размеров, что челюсть потянуло вниз. У меня даже сердце остановилось, честно-честно. Перед нами, махая гигантскими крыльями, зависла Гром-птица.

– Пьюююю, – проорала она нам в лицо. Нас вдавило в камень с такой силой, что странно как не расплющило! Паштет из Сэйри на завтрак гром-птицы!

В золотых глазах орла размером с дракона, искрились ряды молний. Острые как клинки императорских гончих перья на крыльях птицы отливали червонным золотом и затме-

вали солнце. Мощными взмахами этот монстр разрывал воздух, изучая нас устрашающим взглядом. Так может смотреть птичка на червяков перед тем как выковырять их из щели в стволе дерева. Почему мне казалось, что сейчас я – жирная и аппетитная личинка древесного жука и меня вот-вот сожрут?

В чистейшем небе без единого облачка раздался оглушительный раскат грома.

– Это же гром-птица! – прошептала на всякий случай. Вдруг Рейн ее не заметил? Ну, мало ли? Он ведь сказал, что все под контролем. А ЭТО нельзя назвать «под контролем». Это «спасите-помогите!» как минимум. И «все пропало», если быть реалистом. А пессимистичный вариант «ну, я полетела...».

– Совершенно верно. Все под контролем. На счет три, хорошо?

– На счет три? – не поняла, нехотя позволяя жениху отцепить меня от себя.

– Прыгаем. Времени на уговоры нет. Либо прыгнешь сама, либо будет хуже. Один, два...

– Прыгаем? – переспросила с ужасом. Зачем только яглянула вниз?

Земля была настолько далеко, что скрывалась за плотной пеленой сизого тумана. Исконная магия! Это ж полный выдрец! Самый выдрючий выдрец из всех выдрцов вместе взятых! Под моими ногами облака!

– Три! – раздалось как-то уж совсем неожиданно.

Оттолкнувшись, Рейн изящным прыжком преодолел расстояние до птицы и вцепился в ее лапу, едва обхватив обеими руками. У меня глаза чуть не выползли из орбит, особенно, когда обратила внимание на когти гром-птицы. Каждый размером с мою ладонь.

Насилу сглотнула вязкую слюну.

– Прыгай! Живей! – скомандовал мужчина.

Для пущей убедительности подняла брови и вжалась спиной в холодный камень, мою единственную и жалкую защиту.

Птица, залившись яростным криком, махнула крыльями и рванула ввысь. И только сейчас я заметила, что от моей ноги идет толстая нить. Лихорадочно скользнула по ней взглядом, надеясь, что она крепко связывает меня с крепким деревом где-нибудь наверху, и я запросто, не рискуя упасть, выберусь из этого Темной материей проклятого места и сбежать, но...

– А-а-а!!! – заорала, когда меня подбросило вперед и вверх, бултыхнуло в воздухе и опрокинуло вниз головой. Другой конец веревки привязан к телу Рейна. Он хоть и дуб, но совсем не то дерево, к которому я хочу быть привязанной в момент опасности.

– Выхоль заразная! Гад ползучий!!! – орала, бултыхаясь кверху ногами. Волосы лезли в лицо и рот, кровь яростно колотила в висках, я уже не говорю о сердце, которое неуклонно тархтело в сторону инфаркта. Юбки тяжелым шатром

укрыли меня с головой (что несколько улучшало ситуацию, я хотя бы не видела всего ужаса, что творился внизу). – Ненавижу!!! Ненавижу тебя, гад!!! Ты ненормальный! Да ты совсем дебил!

«Я предлагал прыгать, сама отказалась», – раздался в моей голове скучающий голос Рейна, которому наверняка открывался шикарный вид на мои панталоны.

О, Первородная мать! Панталоны! Зачем я натянула эти «озорные» с рюшечками и гипюрными вставками? Впрочем, окажись я в занавеске бабушки Рейна совсем без ничего под ней, все было бы куда веселей!

Лучше бы я руку дала отрезать, честное слово!

«Шикарный вид», – раздалось в моей голове ехидное замечание.

«Убью!!! Если ты не про Утес – убью!»

«Утес тоже ничего», – добавил смертник, посмеиваясь.

Прекратив панику (да и что паниковать, браслет так дорог Рейну, что мне точно не грозит опасность), я с четвертой попытки откинула с лица юбки и ухватилась за веревку. Вниз приказала себе не смотреть, потому что если посмотрю, в лучшем случае пошлю земным жителям свой завтрак, а в худшем рискую не узнать дальнейшее развитие событий.

Закрела глаза, выровняла дыхание и вспомнила занятия физической подготовкой. Отец муштровал нас с братьями наравне, подготавливая, в случае необходимости, к службе в императорской гвардии. Когда-то я даже мечтала попасть в

отряд императорских гончих, потому что знала, именно там будет служить ОН...

Так, не то. Кейларом тут и не пахнет. С ним бы я не оказалась в такой ситуации. Он бы не позволил женщине рисковать жизнью ради... а ради чего? Ладно, это все потом, сосредоточимся на задаче. Подтянувшись на руках, я соорудила из веревки петлю и вставила туда ногу, подтянулась и, к сущему удивлению будущего трупа, поползла вверх. Снизу гром-птица не казалась такой уж страшной, если не принимать во внимание когти, опасно сверкающие в палящих лучах солнца и яростный ветер, пытающийся сбросить меня вниз.

Рейн протянул мне руку, когда я почти добралась до пушистого брюшка птицы. Соблазн скинуть его вниз был настолько велик, что не будь мы связаны нитью – так бы и поступила! Нехотя подала ладонь и меня одним рывком подтянули наверх, помогая устроиться в поджатой птичьей лапе как в кресле.

– Ты псих! – прошипела, глядя на жениха с ненавистью.

Он язвительно хмыкнул.

– Я предупреждал, что другой вариант тебе понравится меньше.

Стиснула зубы и промолчала. Предупреждал. Только это и останавливает мой словесный поток, щедро приправленный отборными троллями ругательствами.

– Не удивительно, что в твоём возрасте ты не женат! –

вырвалось язвительное замечание, но я с горечью прикусила язык. Ладно, от него сбежали девицы, тут сам виноват. Но дети... Пытаясь как-то исправить ситуацию, примирительно спросила: – Куда мы летим?

– В ее пещеру.

Я закашлялась и подавилась очередной порцией ругательств.

– Прости, мне послышалось, что мы летим в пещеру Гром-птиц. То есть туда, где они гнездятся, спариваются и выхаживают малышей?!

– Все верно, – спокойно ответил он. – Ты должна знать, что я контролирую ситуацию.

Я истерично усмехнулась, полагая, что Рейн шутит. Сейчас он обернется драконом, и мы улетим в безопасное место. Я ведь смогу полетать на его шее?

– Зашибись, – пробурчала, крепче прижимаясь к шершавой лапе нашей будущей убийцы, и понимая, что мне конец.

Совсем скоро я окажусь по ту сторону перьев, познакомлюсь с богатым внутренним миром чудовища, а еще чуть позже все-таки полечу вниз, и в память обо мне останется большое, и некрасивое пятно где-то там, внизу, под облаками. Папа бы мной гордился (нет)!

Как-то до этого мне не приходила мысль, что Рейну вообще не нужна живая я. Отказывается отрезать руку? Ерунда. Браслет можно снять и с трупа. Наверное, что-то такое отразилось у меня на лице, поэтому он заверил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.